Глава 188. Расскажи то, не знаю что (часть 1)

«Ганц Йохансон!»

«Ганц Йохансон!»

«Ганц Йохансон!»

…

Я отчётливо представлял, как вскоре это имя начнёт передаваться из уст в уста. И самое ужасное в этой фантазии заключалось в горькой действительности: эта фантазия была не просто выдумкой школьника, то есть меня, а фантазией, способной с высокой вероятностью воплотиться в реальность. Реальность, по своей сути грустной и даже уродливой. Уродливой, потому что заставить всех или практически всех поверить в сказанное, должно быть не самой трудной задачей, ведь нужные представления в нужном вопросе у них сформированы и без меня. Казалось бы, осталось лишь красиво наговорить всякого, верно? Однако есть одно «но» как минимум потому, что красиво говорить не значит красиво лгать, ведь очевидная, оспариваемая и бессмысленная ложь — априори не может быть красивой! Чтобы она стала красивой, иной раз нужно приложить столько усилий, что проще и не начинать лгать. Красивая ложь — это ложь, ставшая неопровержимой правдой…

«…а раз так, то это уже и не ложь вовсе!» — сделал бы я «логичный» вывод с серьёзным лицом, но, увы, находить такие искусные оправдания самому себе я ещё не научился. Поэтому оставалось тешиться тем, что: «Я сам выбираю кому и как лгать. Ложь — лишь удобный инструмент в моих руках. Важно лишь то, как именно я им воспользуюсь».

◊ ◊ ◊

Спустя несколько минут после ухода Юрия Ежи, в камеру зашли несколько человек, но всё, что они сделали, так это просто повели меня в другое место, вероятно, очередную камеру — один чёрт знал, зачем нужны эти лишние телодвижения.

Юрия Ежи я больше не видел, хотя, могу предположить, что он околачивался где-то рядом, подглядывая со стороны, как озабоченный дядя за своей племянницей.

Оказавшись в новом месте — очередной камере допроса, за меня тут же взялись несколько АДовцев, вероятно, целая команда профессиональных «выбивал». Да уж, весь сегодняшний день можно было описать лишь фразой: из огня да в полымя. Правда, тешила мысль, что в этом полыми, я был не сухой щепкой, а металлическим стержнем, так что прогореть не должен.

— Сесть!

— Руки сюда!

— Ноги зафиксировать здесь!

…

Мне отдавали указания, как какому-то имбецилу, параллельно подключая к какому-то оборудованию. Видимо, впереди меня ждут интересные процедуры, возможно, лечебные. Кто бы мог подумать, что АД не такое уж и плохое место, как все говорят? Ох уж эти завистники!

А теперь — вопрос! Какое лечебное мероприятие обходится без «чудодейственного препарата»? Правильно, никакое. Конечно, чем именно будет этот чудодейственный препарат: сывороткой, вакциной, синтетическим соединением или, быть может, мочой бабы Фроси, способной сразить любой недуг, — совершенно другой вопрос. Я же радовался тому факту, что даже АДовцы не станут испытывать самый чудодейственный из препаратов — последний — на ком-то вроде меня.

— Наденьте и зафиксируйте это на голове! — послышалось очередное указание.

Мозг — вещь по-настоящему удивительная. Он состоит из множества компонентов: начиная разнообразными клетками, заканчивая отдельными молекулами и их взаимодействиями, хотя на деле такими общими словами можно описать практически любую ткань в организме. Но если же говорить о возможностях, которые даёт именно мозг, то хочешь не хочешь отодвинешь другие органы и их системы на задний план, даже несмотря на их жизненноважную необходимость и поддержание целостности организма. Даже сеть магических узлов не может его затмить, а ведь она позволяет волшебникам колдовать. Колдовать! А всё потому, что мозг «даёт» самое ценное — сознание.

Мысли, которые крутятся в голове и не дают заснуть до поздней ночи. Рассуждения, из которых рождаются гениальные выводы и решения, пусть о них уже сто лет как написано в справочнике «для чайников». Самоидентификация, благодаря которой ты осознаёшь какой же ты раздражающий всех мудак. Верно, это всё — сознание — «сила» управлять собственной жизнью, сила быть адекватным, пусть и пользуются этой силой не все.

Неудивительно, что даже одна из гипотез, причём основная («О свободном контроле кварков») берёт за основу именно развитие и усложнение человеческой психики, то есть функционирование как раз таки мозга, а сеть магических узлов выступает в ней лишь

дополнением — инструментом. Пусть основным, но инструментом. Таким же инструментом, как и ложь в моих руках.

Ложь… А ведь и она является детищем мозга, быть может, основным детищем: сколько он способен нафантазировать, сколько выдумать… Даже безобидное дуновение ветра он способен превратить в ужасного подвального монстра.

Мыслить и рассуждать можно о многом, и не всё будет являться ложью, но вся добротная ложь является результатом именно слаженной мысленной работы, и эта работа, между прочим, не самая лёгкая. Она требует уйму энергии и серьёзную умственную деятельность. Она требует ясного ума и повышенную концентрацию…

Что же может следовать из вышесказанного, учитывая, что я нахожусь не где-нибудь, а в затхлом АДе? Верно, из этого может следовать только одно: всё, что может понизить умственную деятельность, всё, что может повлиять на работу мозга или его отдельных зон — всё это может помочь развязать и твой язык. Когда мозгу трудно думать, ему трудно и лгать, а значит и узнать от тебя правду или уличить во лжи в разы проще. Всё логично и предельно просто.

И как же добиться такого удивительного эффекта пониженной активности мозга, как же ослабить контроль своего собеседника и подозреваемого? Например, можно разок-другой по голове кирпичом стукнуть, но это очень не практично: слишком много непредвиденных воздействий на мозг, а выведать важную информацию, это вам, простите, не овощ взрастить. Ещё её можно понизить используя старый добрый алкоголь, но, во-первых, на разных людей он действует по-разному, во-вторых, с волшебниками всё обстоит ещё труднее, в-третьих, в серьёзных заведениях как АД это как-то несерьёзно, потому что есть более надёжные соединения, которые действуют непосредственно на нервную систему, независимо от того, обычный ты человек или волшебник.

Ещё есть вариант с «волшебниками-мозгоковырятелями». Это ужасные люди, хотя бы потому, что они и вправду ковыряются у тебя в мозгу, воздействуя на его разные зоны (и не только), но, во-первых, это не этично, а, во-вторых, даже если спецслужбам и плевать на этику и мораль, мне ещё до такой процедуры нужно «дорасти». Это их тот самый «секретный секрет, козырный козырь», который они используют в самый последний момент, по крайней мере, будь это не так, меня бы сейчас не в другую камеру перевели, а всеми силами перевозили в закрытую зону. А раз так, то и моя участь была вполне предсказуемой: уж не знаю чем именно меня накачивали, но чем-то — точно. Причём делали это несколько человек, нет, они не пытались засунуть мне что-то в рот, а я в свою очередь не пытался отбиться в ответ, защищаясь как загнанная в угол крыса. Всё происходило менее литературно и более адекватно: несколько АДовцев, усадив меня в специально отведённое место, встали с двух сторон и положили свои руки каждый на моё плечо. Затем их магическая энергия напрямую вошла в моё тело, вот и всё.

Я сидел смирно, как самый послушный ребёнок в мире. Моя цель не буянить и огрызаться, моя цель — сотрудничать и говорить правду, правду и только правду!

Два АДовца исправно выполняли свою работу. Они крепко вцепились своими костяшками в мои ни в чём не повинные плечи и не отпускали. Нужно было отдать должное, после вливания чужеродной энергии тело стало быстро расслабляться, а усталость и боль проходить. Вот же свезло: люди за такие ощущения ещё и сами платят. Вот точно я так зря предвзято к АДу относился!

— А знаете, — я посмотрел на стоящего справа от себя АДовца, — вашей конторе стоит добавить к названию лозунг: «АД — качественная дурь за наш счёт!»

Глава 189. Расскажи то, не знаю что (часть 2)

С чем, с чем, а с юмором у подчинённых Юрия Ежи было не очень: мою шутку они не оценили. Мой сольный концерт ещё даже не начался, а у них уже не было никакого запала, как так-то? Ладно, бить не стали — уже счастье. Всё что они сделали, так это влили ещё немного энергии в моё тело. Она, в свою очередь, тут же превратилась в очередную дозу невесть чего. Что-что, а 11 пункт Кодекса Волшебства АДовцам не писан. Или он упраздняется перед потенциальными преступниками? Может и упраздняется: вникать в это — я не вникал.

— Всё? — спросил один из присутствующих АДовцев.

— Ещё немного, — ответил ему коллега, а это значит, что прелюдия перед допросом подходят к концу.

Невесть что быстро распространялось по организму, эффект оно оказывало тоже быстро: к этому моменту тело было каким-то обмякшим. Эй, так и до полного онемения недалеко: этой штукой можно не только мозги «промывать», но и особо буйных успокаивать, но я-то не буйный! Это уже какое-то злоупотребление своими полномочиями!

Несмотря на эту возмутительно-опьяняющую трансформацию в теле, с головой проблем не было и в сон меня не клонило — сознание держалось бодрячком. Хотя разум в целом был каким-то зажатым, а причиной этого, вероятно, был шлем, который чуть ранее мне приказали надеть и крепко зафиксировать на голове. Поначалу с ним не было проблем, но теперь он казался каким-то тяжёлым и вообще — некомфортным. Он плотно обхватывал голову со всех сторон и самое обидное, что с ним нельзя было даже поиграть в фэнтези игры и тем более обустроить свой собственный гарем молоденьких красоток на зависть Тоши, хотя… всё ещё впереди, учитывая влитые в меня лошадиные дозы «дури».

Минута-другая и меня уже можно было серьёзно обрабатывать, так что дело оставалось за малым. К этому моменту один из «команды-счастья» сел напротив меня, но не очень близко. Он задрал ногу за ногу и время от времени бросал оценивающие взгляды в мою сторону.

Правильно, допрос — дело серьёзное и к нему нужно подходить со всей внимательностью, иначе можно таких дров наломать… Радует, что мой собеседник понимает это.

Стоящие рядом АДовцы остались на месте. Их руки всё также крепко впивались в мои плечи. Могу предположить, что в их обязанности входит не только накачивать подозреваемых всякой-всячиной. Даже не знаю, удалось ли им добиться нужного эффекта, но как полноправный владелец собственного разума, хочу заметить, что дать ковыряться в нём кучке отморозков, я бы не позволил даже через свой труп.

— Скажите… — сидящий напротив АДовец наконец-то начал допрос.

Правда, «допрос» этот быстро вызвал чувство полного дежавю, потому что он сильно походил на недавнее общение с волком-одиночкой. Ведь как и он, АДовец начал с околесицы: «Когда родился?»; «Где родился?»; «Зачем родился?»; «Где учился?» — и целую кучу другой бессмысленной чуши, направленной, видимо, исключительно на налаживание контакта с моим мозгом и калибровку оборудования. А кроме простого вливания в организм неизвестной жижи, развязывающей в теории язык, добиться достоверных результатов им помогали всякие приблуды, наподобие томографа, сканирующего активность разных зон мозга, или, например, такие, которые фиксировали изменения в работе сердечнососудистой системы и се́ти магических узлов. Тот случай, когда можно было бы обойтись и одними волшебниками, но со специализированным оборудованием всё равно надёжнее и спокойнее: видимо, мои слова так сильно задели Юрия Ежи, что он, как уверился сам, не пропустит и толики лжи.

Время шло, а разговор продолжал быть всё таким же поверхностным и нудным, но выгоду от него получил и я, пусть и незначительную. Практически сразу я заметил, что два рядом стоящих АДовца время от времени подают какие-то невербальные знаки допрашивающему и остальным присутствующим (да и кому-то за зеркальным окном, и мы с вами знаем кому). Два этих клоуна то кивали головой, то качали ею, то ещё как-то дёргали своими физиономиями — школа пантомимы, хотя скорее цирк уродов лишились ценных кадров. Их клоунада слегка заинтересовала и меня, поэтому я сделал несколько экспериментов: пару раз очевидно солгал, пару раз ответил с неточностями, пару раз целенаправленно ускорил пульс, а в другой — изменил и поток кварков, что, как предполагалось с точки зрения моего физического состояния, должно было быть невыполнимой задачей. Я пришёл к логическому и, главное, достоверному выводу: эти двое тоже определяли лгу я или нет, а ещё, что более важно, следили за моим магическим потоком. Они не упускали даже слабые, пусть и очевидные изменения в нём.

Да уж, заморочился АД ради меня не по-детски. Я, конечно, понимаю, что идеальной «сыворотки правды» не существует, особенно когда дело касается опытных и скользких волшебников, но всё равно с таким трепетом подходить к моему допросу — допросу условного школьника? Вот он — уровень настоящего «злодея»! Можно даже сказать, это мой первый опыт! Наконец-то — заслуженное отношение к моей персоне! Хотя стоит сказать, что сам себя злодеем я не считал. Более того, я был очень даже законопослушным гражданином и дороги переходил исключительно на зелёный свет.

Ладно, пофантазировали и хватит: никакого «заслуженного отношения» не было. Причиной ясное дело был Юрий Ежи и «зазеркалье», в котором он сидел, укрывшись от глаз. Причём

сидел, скорее всего, не сам, беря во внимание тот факт, что процедура «подготовки подозреваемого к допросу» выполнялась как-то чрезмерно идеально, будто по учебнику. Может я через неё ни разу и не проходил, но вот о том, как здешние сотрудники подходят к своему делу, — знал прекрасно.

Юрий Ежи не смог бы так сильно повлиять на своих подчинённых, даже в том маловероятном развитии событий, где он приказывает им относиться ко мне снисходительно, потому что вспомнил, каким хорошим учеником я был. Нет. Здесь было что-то ещё, точнее, был. Другой вопрос: кто был?

Стал бы Юрий Ежи сотрудничать с кем-то из кланов или тем более так быстро информировать их, не имея на руках и толики информации? Нет. Причём отпадают оба варианта, а значит, и ответ лежит на поверхности: сюда заявился кто-то, кто сам заинтересован мной, причём сделал он это не дожидаясь ни огласки, ни приглашений. Лишние варианты быстро отпали сами собой. Самое логичное: это были либо люди Регана О`Лири, либо сам Реган О`Лири — вот кто в последнее время занимает пьедестал самых приставучих людей.

— Хватит так много думать! — неожиданно огрызнулся один из АДовцев, сидевший за оборудованием. — Твоя задача отвечать лишь на то, что у тебя спрашивают!

Да уж, вот это претензия…

— Если вы любите общаться с мало-думающими, — мягко ответил я, — навестите людей, которые вас зачали.

Глава 190. Расскажи то, не знаю что (часть 3)

Моё искреннее и одновременно едкое замечание не встретило ответной реакции. С другой стороны, вполне логично, ведь именно этого они и добиваются, верно? Хотели правду — получите-распишитесь.

Женщина-допросчик тоже проигнорировала это и продолжила задавать «неудобные» вопросы. Мне же пришлось продолжить отвечать на них, что, несомненно, было реальной пыткой, нет, не потому что я не мог подобрать нужных слов или правдиво ответить, а потому что я, мягко выражаясь, начинал сильно уставать. Уставать говорить и отвечать на одно и то же. Иногда слышалось громкое пиканье, свидетельствующее о том, что я дал «странный» ответ, причём создавалось явное ощущение, что это пиканье живёт своей жизнью: где хочет — пикает, где нет — тоже пикает. Видимо, ещё один способ надавить на подозреваемого. И это всё такое однотипное, будто кто-то зациклил время. Мерзкое чувство нескончаемой монотонности и ведь неизвестно, сколько ещё людей захочет поговорить со мной о «моём прошлом»? Прошлом,

выдуманном Хеем в состоянии трезвого бреда. Вопрос без ответа. Так и сидел, то кратко отвечая «да» или «нет», то время от времени давая развёрнутые ответы о фактах из жизни, а другой раз — давая их и в самых мелких подробностях.

Однако, независимо от всего этого, в большинстве случаев я занимался тем, что умел делать лучше всего в таких ситуациях: я лгал, лгал и снова лгал!

…

— Итак, — отчётливо сказала женщина-допросчик, когда мы перешли к той части «где я перевожусь в новую школу и переезжаю в Батор», — расскажите, что вы знаете о бывшем директоре школы №10, Ганце Йохансоне?

Я даже слегка воодушевился от этого вопроса, особенно после всей предшествующей нудятины, ведь мы наконец-то приблизились к сути разговора, да и в общем — к причине нахождения здесь.

— Что я знаю о директоре Йохансоне? — переспросил я. — Он — могущественный Мировой Волшебник, а ещё — чрезмерно употребляет сладкое. Поэтому если он когда-нибудь и умрёт, то точно не от руки другого волшебника, скорее, от рака желудка. Только рак — только хардкор. Ха. Ха. Ха. Кх…

— Шутите? Шутки успокаивают, не так ли? Когда вы познакомились?

— Успокаивают? В начале этого учебного года, может, чуть раньше.

— Конкретнее.

— 6 месяцев, 3 дня и 4 секунды назад — откуда мне знать?

— Дата?

— Конец августа, двадцатые числа…

— Как именно вы познакомились?

— В школьном дворе, через несколько дней после сдачи вступительных экзаменов.

— Подробнее.

— Это был тёплый летний день. Я шёл по тропинке, вдоль деревьев. В школе ни души — конец

лета. Тут из-за угла вышел директор Йохансон и подошёл ко мне. Он поздоровался первым, я поздоровался в ответ. Солнце мягко согревало нас своими тёплыми лучами, а ветер нежно обдувал наши тела. Его черные волосы развевались в стороны, будто колосья в поле. Затем… Нежным движением руки он протянул мне шоколадную конфету, так нежно, будто мать прижимает младенца к груди. Я взял угощение, открыл и плавным движением засунул его в рот: «Как вкусно!» — воскликнул я, на что директор Йохансон одарила меня своей лучезарной улыбкой и…

— Рассказывайте по существу…

— …и сказал: «Ешь, ешь, у меня ещё много сладенького». Я и ел: кто откажется от сладенького, тем более от Мирового Волшебника? Верно — никто…

— По существу.

— Потом мы заговорили о моём прошлом, вот так же, как с вами сейчас, и, к слову, говорить с ним было намного приятнее. Он очень чуткий человек. Ещё и Мировой Волшебник…

— По существу.

— Он сказал, что приятно удивлён моими результатами по практическому экзамену, да и навыками в целом. Сказал, что у меня есть все шансы стать Мировым Волшебником в будущем. Разве это не чудесно? Вот именно — чудесно. Ещё мы говорили о будущем, о работе, о мечтах, в общем, обо всём. Сошлись на том, что я буду учиться и помогать ему, а он, в свою очередь, будет направлять меня в обучении и поможет стать хорошим волшебником! Чудесно, не так ли? Правда, это всё было только между нами… Но потом он взял себе в ученицы эту!..

— И как вы ему помогали?

— По-разному. В целом, поручений было немного, может, он только присматривался ко мне? Первым ответственным поручением, хотя скорее советом было, чтобы я вступил в дисциплинарный комитет. «Правда, — сказал он тогда, — все места уже заняты, но выход есть. Вот прочти…» — он протянул мне устав школы, там говорилось что-то о том, что можно оспорить место члена дисциплинарного комитета. Без лишних слов, я понял, что нужно делать.

— Поэтому вы бросили вызов третьекласснику, победили и заняли его место, верно?

— Да.

— Не думали отказаться?

— Вы шутите? Я бы ни за что не отказался: кто откажет такому Мировому Волшебнику как директор Йохансон? К тому же, это было и в моих интересах. Эх… Знакомство с директором

Йохансон — лучше, что со мной случалось.

— Вы с самого начала знали, кому будете бросать вызов?

— Нет. Вообще, сначала он сказал, что было бы здорово сразу я девочку из клана Кудо, но это было шуткой. Да и она же из такого клана… Я ей совершенно неровня. Я бы и того третьеклассника не одолел, не помоги мне директор Йохансон со стратегией… Даже с его наставлением обхитрить того школьника было не самой простой задачей. Я дрался на пределе концентрации, чтобы не совершить ошибку. Ещё бы чуть-чуть и…

— Хорошо. Что ещё вы для него делали?

— Где-то в эти же дни он дал и второе поручение. Нужно было следить за первоклассницей, Тсубой Эрикой. С его слов, это было очень важным и ответственным заданием. Делать это было довольно трудно, учитывая, что общих мест у нас с ней было мало. Но я справлялся. Однажды даже проследил за ней до самого дома, точнее практически до самого дома, директор Йохансон категорически запретил приближаться очень близко. Вроде, она жила с опытным и опасным волшебником.

— Что за волшебник?

— Я не знаю, он называл её «Старшая». Может, родственник какой-то. В школе говорили, что она живёт с опекуном.

— Причина слежки?

— Причина? Потому что директор Йохансон сказал это сделать…

— Это и так ясно. Но он же говорил, зачем это ему?

— Нет.

— И вы не знаете?

— Нет…

Пик!

— То есть знаю… Точнее — догадываюсь…

— Поясните.

— Ну… Директор Йохансон мне ничего не говорил, но позже я узнал, что эта девочка, Тсуба Эрика, является иностранным шпионом или что-то в этом роде… Я предположил, что поэтому она его и интересовала.

— Шпион? Откуда такая информация, если он вам ничего не говорил?

— Ну… Я узнал об этом из разговора двух следователей во время одного из допросов, связанного как раз с её пропажей.

— Что за следователи? Вы помните их имена?

— Это был какой-то полицейский и сотрудник госбезопасности, Мишель Лири.

— Звание полицейского?

— Не помню.

— Когда это произошло?

— Даты я не помню… Но это было в тот же день, когда два клана что-то не поделили между собой и устроили разборки, поставив всех на уши. А ещё в тот же день мы с Мишель Лири столкнулись со странной штукой на промышленном складе, меня тогда ещё ранили… Собственно, именно из-за информации о Тсубе Эрике, которую я узнал в то утро во время допроса, она и взяла меня с собой: нужно было подписать какие-то бумажки о неразглашении.

— Хорошо.

Я замолчал. Женщина-допросчик внимательно уставилась в небольшой экран, то ли переваривая информацию, то ли получая указания.

— Скажите, вы знали, с чем столкнётесь на складе?

— Нет.

— А Мишель Лири?

— Нет…

— Почему так неуверенно?

— Я… просто я не уверен. Чуть ранее в полицейском участке мне сказали, что всё произошедшее в тот день выглядит слишком идеально, чтобы быть случайностью. Но я не понимаю как? Мы просто решили перекусить, и кафе в том районе выбрал именно я, и я уверен, что ничего не знал о том складе и тем более что в нём хранится… Поэтому я уверен, что и Мишель Лири ничего не знала, её туда, можно сказать, привёл именно я. Хотя чуть раньше, следователь убеждал меня в обратном. Необычные совпадения тоже случаются, и, очевидно, это был именно такой случай.

— А ваш директор не говорил вам о складе или том кафе?

— Нет.

— Не упоминал?

— Нет.

— Случайно?

— Случайно тоже нет, вроде…

— Скажите, следователь, которого вы только что упомянули, это тот самый полицейский, от которого вы узнали, что Тсуба Эрика «иностранный шпион»?

— Э… да… то есть нет… Я не помню… У меня плохая память на лица…

Пик!

— …Или хорошая, но я всё равно не помню.

Пауза.

— Хорошо, — сказала женщина-допросчик. — Итак, какие ещё поручения отдавал вам Ганц Йохансон.

— Первое время… больше ничего. Потом, перед самым отъездом в другою страну, он сказал мне быть очень внимательным и дал кое-какие указания. Указания на «экстренный случай». Но в целом, сказал, что в случае чего свяжется со мной.

— Свяжется? Вы с ним как-то контактировали и поддерживали связь? Были ещё люди? Кто они?

— Нет. Директор Йохансон просто оставил мне устройство для связи. Сказал, что свяжется со мной через него и только в крайнем случае. На самом деле этот случай настал очень скоро: не помню что именно было написано в сообщении от директора Йохансона, но там было что-то наподобие: «Опекун девочки пойман». Девочка — это Тсуба Эрика, как вы поняли. В целом, такое сообщение означало, что нужно быстро выполнить оставленные им указания, те самые на «экстренный случай»: нужно было вывести девочку из школы и доставить в назначенное место.

— Что за «назначенное место»?

— Нежилой район у реки. Больше я ничего не знал. Мог лишь предположить, что за нами следят, и оказался прав: директор Йохансон сам подтвердил это. Дело в том, что чуть позже мне стало казаться странным, что он доверил это всё мне — обычному школьнику, особенно после того как на нас напали профессионалы и вырубили меня за доли секунды, как какого-то щенка. Меня это сильно встревожило, поэтому позже, когда он вернулся, я прямо у него спросил, зачем доверять это мне — это ведь не мой уровень. Он же просто ответил, что следившими за нами были и его люди, и было очень эффективно использовать школьника, чтобы, во-первых, уменьшить вероятность их раскрытия, а, во-вторых, ослабить бдительность врагов, которые тоже следили. Да и для меня это должно было послужить хорошей тренировкой. Он тогда был очень серьёзным, я боялся его сильно расспрашивать и нервировать. Но он даже похвалил меня: сказал, что я крепко и достойно держался, когда нас окружили, а ещё — не испугался и не взболтнул лишнего, когда меня забрали в Антимагический Департамент.

— Что там произошло, кто вас окружил и кто там был? — серьёзно спросила женщина-допросчик.

— На самом деле ничего нового вы не услышите. Всё пошло наперекосяк, когда мы ещё даже не дошли до места назначения: сначала нас остановили одни люди, затем — появились ещё какие-то. Между ними завязалась разборка. Меня быстро вырубили. Что было дальше — я не знаю. Так что, сколько бы я не рассказывал о том случае, я не лгал и ничего нового не придумывал: всегда говорил как есть. Мне лишь пришлось умолчать о своей маленькой роли сопровождающего, потому что директор Йохансон возложил на меня такую ответственность, и я просто не мог его подвести или тем более осознанно подставить. Я… Я хотел обо всём забыть как о сне, но… но сегодня меня… меня стали запугивать и-и обвинять во всём… что это всё моих рук дело.

— Когда вы последний раз общались с Ганцом Йохансоном?

— До разрушения школы, после этого нет.

— Скажите, устройство, которое вам дал Ганц Йохансон, всё ещё у вас?

— Устройство?.. Это… Нет…

— Вот как? Тогда где оно?

— Я… я не знаю…

Пик!

— Ещё раз? — повторила женщина.

— Я… я не уверен…

— Разве? А по-моему вы уверенны и всё прекрасно знаете.

— Но… Но он сказал, что если… если оно попадёт не в те руки, он… он… он будет сильно, хнык… сильно, хнык… зол…

— Увы, но другого варианта у вас просто нет: либо вы сотрудничаете, либо…

— Я… хнык… я просто, хнык… хотел учиться…

— Я понимаю, но если вы хотели просто учиться, тогда зачем напали на своих преподавателей сегодня днём?

— Я!.. Я!.. Она первая начала! Оскор-бля-бля-ла и унижала меня! Я, я и не думал, что смогу выйти живым из той битвы: они, хны… все они, хны… развязали против меня магию!.. Но! Терпеть унижения я-не, я-не собирался! Я всего лишь защищался! И… и пусть я-не… я-не думал, что всё так обернётся, хнык, пусть всё вышло случайно, я-не, хнык, я-не сожалею!.. Я… я рад, что мне удалось, хнык, поставить таких как они… поставить на место!..

— Я понимаю, но и вы должны понять: в конечном итоге место пострадавшего принадлежит не вам, даже наоборот. Вы повредили частное имущество, вы ранили людей, а теперь выяснилось, что ещё и участвовали в преступной деятельности, а это — всё это — не шутка. И мы оба знаем: мне не нужно рассказывать вам к каким последствиям это ведёт и что вас ждёт впереди. Как бы вы не хотели, просто вернуться к нормальной жизни у вас не получится. Но если вы ещё и будете препятствовать следствию… Понимаете?

— Д-да…

— Своим поведением вы ухудшаете своё и до того ужасное положение. Понимаете?

— Д-да…

— И вам лучше начать сотрудничать, иначе… понимаете?

— Я… я… хнык… я п-понимаю…

— Спрашиваю ещё раз, устройство, которое вам дал Ганц Йохансон, всё ещё у вас?

— Д-да…

— Где оно?

— Оно… Оно…

Мне пришлось… пришлось рассказать им… Р-рассказать всё… Простите меня… простите меня Ганц Йохансон… Я… я и сам понимаю, что не смогу… не смогу скрыть правду — ужасную правду о вас и… и всех ваших деяниях. Простите… простите, что не оправдал ваших ожиданий, хнык, простите меня…

Глава 191. Расскажи то, не знаю что (часть 4)

(От 3 лица)

— И ты не знал?

— Нет!

— И не догадывался?

— Нет! — раздражённо повторил Юрий Ежи Шестому Помощнику Регана О’Лири.

— То есть «он» лжёт?

— Нет!

— Значит, не лжёт?

— Откуда мне знать?! — ответил Юрий Ежи, а затем протараторил. — То есть да, не лжёт, ты же и сама всё видишь и слышишь!

Он быстро исправился, потому что в противном случае его слова дискредитировали работу собственных же сотрудников, и он уже успел представить, как его прижимают к стенке самыми едкими способами из-за этой оговорочки. Благо для себя, он вовремя обратил внимание на свою оплошность и успел исправиться. Исправился грубо, но спокойно. Может, слишком спокойно:

— Смотрю, ты не удивлён. Давай и тебя рядом с «ним» посадим? Ты от нас ничего не скрываешь? — серьёзно сказала женщина и сделала короткую паузу. Юрий Ежи получил удар, который ждал меньше всего (или не ждал в принципе), он сердито промолчал. Шестой Помощник же, видя его реакцию, издала тихое подобие смеха. Злого умысла в её словах не было, но удержаться от издёвок она не могла. Просто не могла. Нет. Она была не из тех, кто «всегда издевается над всеми», как это делала Мишель Лири (по крайней мере, последняя создавала именно такое ощущение), но когда Шестой Помощник находила подходящего человека, да ещё и была в настроении, то могла позволить себе такую роскошь. Вероятно, эта схожесть двух женщин (Шестого Помощника и Мишель Лири) «издеваться над слабыми» была связанна с влиянием на них Регана О’Лири, просто на одну он повлиял сильнее (или, правильнее будут сказать, сильнее сломал?). Но в отличие от Мишель Лири, способной пренебрежительно относиться ко всему что движется и не движется, Шестой Помощник позволяла себе эту роскошь очень и очень редко, да и «на небе» должны были сойтись все звёзды, а сходились они редко. Во-первых, найти подходящего человека было непросто: она всё-таки взрослая серьёзная женщина, а не школьница двенадцати лет — нужно было соответствовать своему «статусу» Помощника. А учитывая, что она не видела большой разницы между «издевательством» и «подкалыванием», фамильярничать с кем попало было и вправду не самым благоразумным решением, ведь задеть чувства человека не такая уж и трудная проблема. А иной раз, чем выше должность этого человека, тем и задевается он как-то проще, а ставить себя и своё руководство в невыгодное или неудобное положение было не в её интересах. Как ей однажды сказали: «Беспредел беспределу рознь». Смысл контекста до неё дошёл очень и очень быстро.

Итак, можно было с уверенностью сказать, что Юрию Ежи сегодня несказанно повезло, и все звёзды сошлись ровной линией специально для него: в глазах Шестого Помощника он был чудаковатым стариком: вроде, суровый и видавший многое, а, вроде, и ошеломлённый щеночек, перепуганный и спотыкающийся на ровном месте. Её это умиляло. Но и это не всё. Её озорное поведение было обусловлено ещё и по-настоящему хорошим настроением. Сегодня она получила новый и уморительный опыт: «человек», которого она должна была обработать, обработал себя сам. Уже не имеет значения, виновен он или нет — прецедент есть. А иметь в своих руках такой прецедент — всё равно что иметь жизнь этого человека. Сегодня она по-настоящему вкусила весь смысл фразы: обеспечить себе путь в никуда. «Он» — обеспечил. Ей даже не нужно было ломать голову, придумывая предлоги и выслушивая чьи-нибудь сомнения (сомнения Мишель Лири), — в этот раз Шестой Помощник и вправду была совершенно не при делах. И, возможно, ей даже не придётся марать свои руки в будущем, если всё пойдёт «как надо»; а, судя по всему, всё и так шло как надо, учитывая неожиданно всплывшие факты и подробности. Такой новый опыт тоже приносил женщине толику удовольствия, пусть на деле вся эта работа изначально и не была чем-то серьёзным в её глазах. (Однажды ей нужно было наладить сотрудничество с мятежниками одной маленькой страны и помочь им в их нелёгком деле — вот что в её глазах было серьёзной работой, хотя по факту она даже не курировала

операцией, а лишь помогала другим Помощникам и непосредственно Регану О’Лири.) «Школьники-подростки» априори не могут представлять из себя серьёзное дело, а время от времени, редко, она работала и с ними, вот как сейчас. Однако конкретно это дело её слегка заинтересовало… а интерес, особенно когда он не идёт вразрез с работой, а более того даже сопутствует ему, — дело нешуточное: нет ни одной причины не утолять его. В Антимагический Департамент, а до этого в полицейский участок, она пришла сама, с энтузиазмом и без капли недовольства. А ведь можно было и не приходить: учитывая всё произошедшее, ей или непосредственно Регану О’Лири стоило просто связаться с людьми из нужных ведомств и «урегулировать» всё на прямую через них. В другой раз, не заинтересуй её дело всерьёз, она бы так и поступила.

К глубокому удовлетворению Шестого Помощника, этот интерес не просто оправдал ожидания, которых у неё изначально даже не было, а оправдал его с лихвой. Сначала в полицейском участке появился небезызвестный следователь («везде сующий свой нос»), а затем здесь, в Антимагическом Департаменте, ещё и разыгралось целое представление-драма точно экспозиция дешёвого детектива. Представление, которое, к слову, ей понравилось несмотря на свою дешевизну и даже смогло добавить очередную порцию гормонов счастью в общую копилку её хорошего настроения. Сегодня был тот редкий день в её жизни, который она без сомнений охарактеризует словами: «День удался!» — независимо от того, каким плохим он был до этого или будет после. Раз так, то можно было поделиться своим «весельем» и с кем-нибудь ещё, с кем-нибудь хорошим, а Юрий Ежи, несомненно, отвечал всем критериям «хорошего человека». Видя, что его сердитое молчание не прошло, даже когда она уже закончила своё тихое хихиканье, Шестой Помощник заговорила:

— Не будь таким серьёзным, я просто шучу. У нас здесь неожиданный прорыв в куче висячих дел, а ты хмуришься да злишься. Не нужно так.

Глава 192. Расскажи то, не знаю что (часть 5)

— Никакой это не прорыв, а невесть что! — возмутился Юрий Ежи. Возмутился тихо, но резко, что даже бутылка не выдержала и упала со стола. Уточнять или исправляться в этот раз он не стал.

— Невесть что? — весело переспросила Шестой Помощник. — Определись уже: ты согласен или не согласен.

Тот не ответил, она продолжила:

— Мы оба знаем, что согласен. Признай это. А ещё мы оба знаем, что если кто-то в этом мире и не знает, на что способен Ганц Йохансон, так это точно не ты.

Юрий Ежи проигнорировал очередное заявление и тактично промолчал. Он не хотел отвечать. Он не хотел что-либо говорить или комментировать. Ко всему прочему, он бы предпочёл ничего не видеть и не слышать. Да только… сделать этого он не мог. Просто не мог. Для него этот вопрос относился к тем вопросам, который человек определяет для себя как «не могу оставаться в неведении». И будь он сейчас сам, переваривай информацию в одиночестве, — ему было бы в разы проще: уединился в себе, всё обдумал, успокоился… но эта женщина!

Присутствие помощника Регана О'Лири (незваного и нежеланного): её резкое появление, её наглое поведение — всё это его несказанно огорчало. Однако отказать или тем более просто взять и выгнать её он не мог. Формально, он, конечно, имел право, но зачем лишний раз вороши осиное гнездо? Зачем, если осам нет до тебя дела? Да и осы эти — какие-то неправильные осы: ужалят не сразу — запомнят надолго. Злопамятные осы. Сучьи осы.

Столкнувшись с полным игнорированием своих слов, Шестому Помощнику пришлось продолжить свои набеги на старый, но нерушимый форт:

— Не скажу, что я совсем не думала о чём-то подобном, но признаюсь, я и сама удивлена, что это окажется правдой. Вероятность того, что твой бывший работодатель всё-таки имеет к этому отношение, была не самой высокой, по крайней мере, в моих глазах. Хотя некоторые другие, судя по их действиям, куда проницательнее меня.

Однако даже этот маленький вброс не смог заинтересовать старого АДовца. Для себя он решил, что без крайней необходимости реагировать на слова неприятной женщины не будет. Поэтому просто уделил всё внимание (или сделал вид, что уделяет) продолжающемуся допросу. Наверное, это был один из самых медленных допросов на его памяти.

Шестой же Помощник продолжала жужжать над ухом, хотя, вероятно, и сама не упускала не единого слова и не единой детали, появляющихся с обратной стороны стекла.

— К слову, на моей памяти это не впервые, когда всё оборачивается схожим образом, — продолжила жужжать женщина, решив «поделиться своим опытом». — Ганцу Йохансону практически удалось перехитрить всех, даже тебя. Но когда не учитываешь всех нюансов, всё может полететь в тартарары буквально из-за одного недочёта или мелочи. Кто бы мог подумать, что его «слабым местом» окажется болтливый школьник? Знаешь, а я тебя даже понимаю, учитывая на кого работаю. Думаю, я и сейчас не смогу сказать, что в голове у Господина О'Лири и на сколько ходов вперёд он просчитывает. Так что не понимать начальство — это часть нашей работы, — Шестой Помощник «понимающе» постучала своего собеседника по плечу.

Юрию Ежи было трудно понять: это попытка утешить его или, наоборот, способ раззадорить ещё сильнее?

В целом, всё было именно так, как она и сказала: чистосердечное он слышал сам, а сомневаться… Сомневаться можно, даже нужно, однако, в данном случае, только не желающий смиряться с действительностью будет относиться к результатам этого во всех смыслах

достоверного и всё ещё продолжающегося допроса с неверием, а Юрий Ежи, увы, таковым не был. Он всегда знал: Ганц Йохансон — человек высокого полёта, имеющий множество стремлений, а вместе с ними — и планов, но самое главное — он человек, способный на многое. Как и все, он делил мир на «чёрное» и «белое». На свои субъективное «чёрное» и субъективное «белое» — Юрий Ежи это очень хорошо знал. Однако в одном он был искренне уверен: какие бы цели не преследовал Ганц Йохансон, и к чему бы из упомянутого во время допроса не приложил руку, разрушить собственную школу в сознательном состоянии он не мог. Однако говорить это вслух или что-то доказывать, даже если с ним и согласятся, он не собирался: защищать, опровергать, переубеждать — сейчас это всё было бессмысленным. Единственная проблема, которую перед собой видел Юрий Ежи, заключалась в непонимании точного мотива. А пока мотив был неизвестен, не нужно было делать и поспешных выводов как минимум для самого себя.

— Пошлите людей в указанное место, — Юрий Ежи связался с одним из своих подчинённых. — С этого момента все действия выполнять только в группах, — акцентировал он, — и всегда держать связь. Ещё свяжитесь с другими департаментами и полицией, нужно поставить всех в известность и наладить с ними сотрудничество, по возможности. В связи со всей чертовщиной, которая творится у нас, да и в мире, медлить в отношении Мирового Волшебника уровня Ганца Йохансона — непростительная роскошь!

Отдав указания и скоординировав работу, Юрий Ежи мысленно обвёл галочкой первый пункт «плана действий» — начинать-то с чего-то нужно, однако продолжить обдумывать следующие шаги ему не дала стоящая рядом женщина:

— Ого, — Шестой Помощник пошла в очередное наступление, — смотрю, ты воодушевился. Не переживай, я поставлю Регана О’Лири в известность. Теперь ясно, почему он заинтересовался этим «юношей». К тому же, сотрудничать с тобой я тоже не против: дело государственной важности всё-таки.

Юрию Ежи оставалось молча смириться с фразой «дело государственной важности» и проглотить возникший вопрос о «заинтересовался этим юношей». Говорить что-либо в первом случае в принципе не имело значения, а во втором — суть и так была ясна из контекста, хотя узнать поподробнее он был бы не против, но воздержался.

— На всякий случай, — серьёзно сказала Шестой Помощник, — я так понимаю, спрашивать тебя, что задумал Ганц Йохансон, бессмысленно?

— Бессмысленно.

◊ ◊ ◊

(От 1 лица)

— …Что задумал Ганц Йохансон? — спросила женщина-допросчик.

— Я не, хнык, знаю…

Пик!

— …не знаю, хнык … но ду-думаю, что-то серьёзное. Ему ни-никогда не нравились кланы… а ещё… ещё, хнык, он просто… просто не переносит этого «толстого»… этого «больного»… этого «ублюдка»… этого — Регана О’Лири.

— Регана О’Лири? — заинтересовалась женщина. — Есть свидетельства, и вы сами упоминали, что поддерживали общение с его родственником — Мишель Лири. Скажите, это как-то связанно?

— Это… Это… Это… Это…

— Отвечайте вслух и по существу.

— Мишель Лири… Сблизиться… Сблизиться с ней, хнык, было… было одним из его… его поручений, после… после того, хнык, того, как она обратила на меня внимание…

С-смешивай л-ложь с правдой, хнык, л-лги до конца, хнык… и бла… бла… бла… Другого варианта для тебя больше нет, прости.

Глава 193. Расскажи то, не знаю что (часть 6)

(От 3 лица)

«Кланы… Реган О’Лири… Мишель Лири…», — Юрий Ежи внимательно слушал и переваривал полученную информацию.

Кого-кого, а всех перечисленных, в той или иной степени, он и сам не сильно жаловал, да и любой, хоть немного знающий Ганца Йохансона, понимал, что так оно и есть, разве что в этом списке не хватает Антимагического Департамента, да и всех других государственных структур — Ганц Йохансон критиковал и не соглашался с политикой практически каждого из них и в

чём-то был прав, ведь даже последний созыв Всемонгольского Магического Совета, который он так рьяно хаял, был распущен, а новый ещё толком не выбран…

«Стоп… — задумался Юрий Ежи, — ВМС был распущен… Кланы утратили часть влияния, Морганы уничтожены…» — общедоступная информация стала быстрыми темпами переосмысливаться и приобретать совершенно новое видение. Всё начинало казаться более очевидным, но и одновременно более запутанным: логика всех событий вполне соответствовала возможностям и продвигаемым идеям Ганца Йохансона, но почему он ничего не сказал Юрию Ежи, даже не намекнул… Не обмолвился… Стоп…

Могло ли всё происходящее сейчас — и быть намёком?! Но что тогда произошло в тот день в школе?! На неё точно кто-то напал! Могли ли это быть настоящие враги Ганца Йохансона?! Но, если это всё правда и если это всё и вправду его рук дело… то оставить такую «мелочь, чтобы всё полетело в тартарары» он… он просто не мог! Он не мог не предвидеть такую очевидную вероятность как «внезапное раскаяние»! К тому же, ничего по-настоящему ценного эта «мелочь» толком и не знает. Более того, первым, кому эта «мелочь» призналась и стала всё выкладывать, был именно он — Юрий Ежи!

Юрий Ежи был уверен, что начал что-то понимать и осознавать, только не понимал что. Шестой Помощник явно не шутила, спрашивая, знает ли он, что задумал Ганц Йохансон. А учитывая их долгое сотрудничество, верить ему на слово никто не станет. Раньше или позже, но его точно посадят рядом с этой «мелочью», чтобы убедиться наверняка: лжёт он или не лжёт…

Помощник, который ничего не знает — лучший помощник, разве нет? А Юрий Ежи всё ещё считал себя именно им — помощником Ганца Йохансона. Даже в АД он вернулся не по собственному желанию… Он нужен был Ганцу Йохансону именно здесь, и сейчас он был именно здесь, и допрашиваемый — тоже был здесь…

Неужто теперь-то всё начало становиться на свои места?!

Послышалось очередное жужжание:

— Использовал её, Мишель?! Это правда?! Он не солгал?! — уточнила Шестой Помощник. Не то, чтобы она была близка с Мишель Лири, но её она воспринимала как «свою», а значит и её использование, ещё и при таких обстоятельствах, просто не могло не вызвать раздражения. Хотя в целом эта новость её даже обрадовала: она отчётливо представила, как после просмотра записи этого допроса что Мишель Лири, что её «близкий родственник» выпустят наружу всю подноготную своей сущности и наконец-то решат свои «семейные проблемы», причём решат без её участия. Даже если «его» решат убить, делать этого ей не придётся: у двоих есть свои руки…

— Нет, не солгал, — обычным тоном ответил Юрий Ежи, однако мысленно он стал по-другому относиться к стоящей рядом женщине: может ли быть так, что она его враг?! Может ли быть так, что он не на той стороне?! Не поспешил ли он, устроив этот допрос, толком не

разобравшись в ситуации?! Почему он вообще поспешил?! То, с каким укором всё было сказано в тот момент, так сильно задело его?! А может… Может это сам Ганц Йохансон сказал всё сделать именно в такой манере, чтобы выбесить его?! Тогда всё идёт как нужно?!

«Что делать?! Чью сторону занимать?!» — Юрий Ежи пребывал в состоянии мысленного хаоса.

«Нужно будет как-то поговорить с ним тет-а-тет…» — решил он про себя.

Не факт, что это сможет хоть как-то ему помочь, но попытаться стоит, возможно, «где-то там»: маленькая деталь, намёк или координаты, — возможно, именно они и будут ответом на его вопрос.

На секунду Юрий Ежи впал в лёгкий ступор: «Может ли это быть связано с тем “устройством связи”?» Он выругался про себя: указания он уже отдал. Менять решение, причём неожиданно, или вести себя неестественно — было бы худшим из вариантов, особенно перед Шестым Помощником Регана О’Лири.

«Уверен, как бы я не поступил, это будет правильным решением, потому что Ганц Йохансон не мог не предвидеть мои действия…» — с этой самоуспокаивающей фразой, Юрий Ежи мыслено выдохнул.

— Докладывать мне обо всём, что будет найдено или известно, — уточнил он подчинённому, чем перебил Шестого Помощника, которая до сих пор продолжала жужжать над ухом. Её это расстроило, но она бысро воспользовалась моментом:

— И мне.

— Хорошо, — Юрий Ежи спокойно кивнул, — раз мы сотрудничаем, то всю информацию будем предоставлять в полной мере.

Та удовлетворённо кивнула. Он добавил:

— Наша задача понять цели и мотивы, и предотвратить возможные последствия: если Ганц Йохансон взялся за что-то серьёзно, то и действовать он будет соответственно. Поэтому не забывайте, что и вы с нами сотрудничаете.

— Не волнуйся, с памятью у меня проблем нет. И ещё одно, — лукаво добавила она, — тот следователь, который допрашивал его в полицейском участке, это Джеймс Харрингтон, хочу, чтобы ты и с ним наладил сотрудничество и подключил к делу.

— Он не станет сотрудничать, — кратко ответил Юрий Ежи, пытаясь увильнуть, при этом полностью осознавая, что эта женщина не даст ему увильнуть.

— Я тебя умоляю.

— Он бы отказал даже Регану О’Лири…

— Не преувеличивай. Просто поговори с ним. Он явно знает больше нашего, видимо, давно заинтересовался всеми событиями. Он станет бесценным союзником.

— Но…

— Серьёзно, не просить же о таком всех подряд? — упрекнула Шестой Помощник.

Юрий Ежи промолчал: может и не самую трудную, но самую неприятную работу повесили на него: договориться можно со всеми, но только не с тем, с кем договариваться априори бессмысленно.

Глава 194. Расскажи то, не знаю что (часть 7)

(От 1 лица)

Времени прошло немало, а вопросы у женщины-допросчика не заканчивались: что-то повторялось, а что-то она спрашивала впервые и невзначай, будто пока меня допрашивали одни АДовцы, другие в это время расспрашивали людей и собирали дополнительную информацию, пополняя список вопросов для первых. Вероятно, так и было. Не зря же в зазеркалье время от времени происходил какой-то «невидимый» движ.

— Значит, — протянула и отчётливо переспросила женщина-допросчик, — в отличие от ранее заявленного в день разрушения школы вы всё-таки виделись с Ганцом Йохансоном?

— Да, хнык…

— Это он разрушил школу?

— Нет, хнык, то есть, я не знаю, хнык, в тот день, хнык, он лишь очень серьёзно сказал, хнык, чтобы я, хнык, был очень внимательным и, хнык, готовился к худшему.

— Это всё?

— Да…

— Он больше ничего не говори?

— Нет… — я выдохнул и постарался успокоить дыхание.

— Когда именно произошла эта встреча?

— Утром, когда я шёл к нему. Я был практически у самого входа. Он неожиданно появился, кратко сказал и быстро исчез. Я тогда сильно удивился: мы всё-таки должны были обсудить произошедший до этого инцидент с Джулией, та что из клана Бортэ. За день до этого я её сильно ранил.

— Да, вы уже упоминали. Говоря об этом. Это тоже было указом директора?

— Нет, что вы. С ней я познакомился случайно. Немного сблизились. Мы договорились вместе спарринговаться. Но в первое же занятие она случайно отвлеклесь и не успела отбить часть моей атаки. Ох… Она так проклинала меня в тот день, хны… — я быстро перевёл дыхание и успокоился, — я… я просто хотел с ней сблизиться, подружиться. Она такая добрая и приятная, а теперь… теперь она меня ненавидит… Директор Йохансон лишь раз сказал, что мне не стоит с ней водиться, но… но в целом никак не реагировал на это.

— Хорошо, — кивнула женщина-допросчик. — Итак, утро, вы шли к Ганцу Йохансону, недошли, он вас поставил в известность… Что было дальше, после того как он всё сказал и исчез?

— Ничего. Я развернулся и направился в класс, но прежде, чем успел дойти, не знаю как, но я уже лежал под развалинами, у-укрытый парой слабых барьеров. Скорее… скорее всего, нет, именно… именно потому что директор предупредил меня… я… я был настороже… если бы не это, я… я бы просто не успел… не успел среагировать и… и создать их… и… и был бы… был бы… меня бы уже не было…

— Успокойтесь и попытайтесь вспомнить, что именно произошло в тот день? — сказала женщина.

— Я не… я н-не знаю…

Она внимательно посмотрела на меня, продолжила:

— Скажите, почувствовали ли вы что-нибудь в тот момент: всплеск кварков, мощную магию или что-то ещё?

— Н-нет… да и… да и навыков таких у меня нет.

Женщина-допросчик задумалась, дав немного времени на передышку, затем заговорила:

— При этом, судя по отчётам, вы легко смогли отбить Магию Молнии во время стычки с одним из школьников? Или и там вам помог директор?

— Вы не правы, это было не «легко». И директора Йохансона там не было. Учитывая всё произошедшее конкретно в том случае, ничего удивительного в моём везении не было. Богдан Громов устал и сильно медлил, а камень к тому моменту я уже синтезировал для своей атаки. Да и молния была слабой, в противном случае и камень бы не помог. Мне просто повезло.

— Повезло? Если посмотреть на всё, к чему вы имеете отношение, и как выходите из проблем, может показаться, что вы уж слишком везучий человек?

— Было бы правдой, не будь меня сейчас здесь, но я здесь… Везения не так-то и много даже у «везучих», просто в отличие от неудач, его замечают куда охотнее.

— Завидовать проще — это факт, но это не ваш случай: не нужно лукавить. Лучше скажите, — женщина-допросчик сделала небольшую паузу, — почему вы сказали своим одноклассникам — Отто Фишеру и Милине Гофф, — что в смерти другого вашего одноклассника — Сьюзен Хxxxx — во время той трагедии в школе причастны вы, что вам больше не следует общаться, и что если они решат отомстить, то должны работать сообща?

— Это… Потому что к тому моменту уже многие говорили, что именно директор Йохансон разрушил свою школу и стал причиной жертв… Я не верил в это и сейчас не верю, но… Но общаться с ними после такого я больше не мог, поэтому я… я и сказал, что в её смерти, смерти Сьюзен, виноват и я, и даже если вы скажите, что это не так, я всё равно не перестану испытывать вину за это…

— Они до сих пор не уверены, особенно Отто Фишер, что именно вы имели в виду, но как бы они не пытались с вами связаться, вы игнорируете или избегаете их. Почему вы не сказали им всё прямо, как есть?

— Потому что… Это бессмысленно? Разве нет?

— А предлагать им объединиться, чтобы убить вас, если они того пожелают, в этом есть смысл?

— Да… ведь… ведь по одному они бы… Они бы точно не справились, я не… я не бахвалюсь, я… я просто трезво оцениваю… оцениваю навыки как свои, так и… и других. Вдвоём, с их навыками и мозгами…

— Я не это имела в виду…

— …Вдвоём… Они бы точно, хнык… точно смогли бы, хнык… Поэтому, хнык, я и сказал, хнык…

сказал, что должен был сказать, хнык… хнык… хнык…

— Хорошо. Не нужно плакать.

— Я не плачу…

Пик!

— Не плачу…

Пик!

…

Допрос продолжался ещё какое-то время.

— Скажите, отвечайте кратко, — наконец-то подытожила женщина-допросчик, понимая, что уже никак не сможет успокоить подозреваемого и узнать больше имеющегося, — вы правда не знаете, чего добивается Ганц Йохансон?

— Нет…

— Всё, что вы рассказали — правда?

— Да…

— Вы ничего не утаили и не скрыли?

— Нет.

— Вы подписываетесь под каждым своим словом?

— Да…

— Вам больше нечего сказать?

— Мне… Нет… То есть… Мне… Вы… Вы были столь добры ко мне… Я… Я могу и ошибаться, но… но… но мне кажется, что скоро… уже скоро он начнёт действовать и… и тогда… и тогда мы узнаем, чего же… чего же он добивается на самом деле… Однажды, однажды он сказал

мне, сказал, что каждый видит то, что хочет увидеть… Простите, но я… я могу ошибаться, но… но я всё же… всё же скажу… Я… я почему-то… зная его… я не вижу ничего хорошего… ничего хорошего для вас… всех вас…

— Ясно, — ответила женщина, затем жестом указала увести подозреваемого, то есть меня, в камеру.

Глава 195. Убить — значит убить (часть 1)

(От 3 лица)

Новость о причастности Ганца Йохансона к недавним событиям (а, быть может, и их непосредственной организации) быстро облетела окрестности Батора и достигла всех заинтересованных ушей, и не только их.

— Вот как… А мы уж было уверились в обратном… — холодно говорили одни. К таким, само собой, относились и высшие чины клана Бортэ, узнавшие о новой информации не от каких-нибудь неизвестных источников, а напрямую от людей Регана О’Лири. В другой раз их информировал бы непосредственно начальник АДа или его приближённые, однако, после недавних смертей и изменения кадрового состава этого департамента, новое руководство не сильно спешило с ними панибратничать и вели себя холодно. Те же АДовцы, что остались и всё ещё подчинялись клану, увы, испытывали трудности в получении самой свежей информации, поэтому клану Бортэ приходилось прикладывать дополнительные усилия. Им это не очень-то и нравилось, но они были уверенны, что рано или поздно, когда пройдёт немного времени, а новые лица в АДе станут более раскрепощёнными и податливыми, найти с ними общий язык станет в разы проще (как минимум с частью из них). Поэтому когда Реган О’Лири отправил к ним одного из своих Помощников со сведениями о новой информации, они без стеснения приняли этот жест доброй воли, но вместе с тем сохранили и некоторый скептицизм: никто в трезвом уме и здравии не станет слепо и бездумно принимать подачки от Регана О’Лири.

Однако, узнав основные подробности, как глава клана Бортэ, так и все его приближённые, находящиеся в этот момент с ним, испытали лёгкое разочарование: прямое подтверждение того, что именно Ганц Йохансон стоит за всеми происшествиями, их, конечно, обрадовало, но они и так были уверенны, что это он. Хотя кое-какие сомнения всё ещё терзали их, особенно Лилит Бортэ, так как она была последней, кто столкнулся с ним в прямой схватке, а сказать, что в тот день Ганц Йохансон был «самим собой» — ничего не сказать. Любой, кто видел его тем утром, не мог дать внятного и однозначного ответа. Лилит Бортэ была в их числе, пусть и отличалась твёрдостью взглядов и уверенностью во всём. Но с каждым новым днём эти сомнения всё сильнее ослабевали, в первую очередь потому, что по прошествии столь немалого срока, им так и не удалось собрать хоть какую-то ценную информацию. Более того, никаких следов напавших на школу и Ганца Йохансона найдено не было. Отчего «нападавшие»

быстро переквалифицировались в «возможных нападавших». В тоже время имеющаяся информация и полученные сведения, пусть и скудные, порождали новые теории: те, кто были в курсе ситуации с «трупами», пытались связать разрушение школы с этим делом, те, кто имели «более глубокое» представление о Ганце Йохансоне, связывали напрямую с ним. Что уж говорить, если он стал одним из обвиняемых практически сразу после инцидента.

Лилит Бортэ приложила все силы на поиск «ответов», но так и не смогла их найти. Её люди, наблюдавшие в тот день за происходящим со стороны, не раз пересказывали увиденное и сопоставляли его с новыми данными, но получить целостную картину не удавалось: с самого начала ситуация была слишком таинственной. А мысли о том, что Ганц Йохансон потерпел в тот день поражение или тем более превратился в оживший труп, казались чрезмерно надуманными, пусть и не отбрасывались со счетов. Для клана Бортэ это было отнюдь не худшим развитием событий, а вот развитие, где Ганц Йохансон обводит их вокруг пальца и заставляет проявить неосторожность — да. Для них он был крысой, хитрой, но крысой, способной очень метко бить исподтишка, ещё и в самый неподходящий момент. Не будь у него столько связей и авторитета, избавиться от него было бы куда проще. Оставалось удивляться только тому, что у такого критикующего всё и вся волшебника вообще были связи.

Поэтому не было ничего удивительного, что полученная информация о Ганце Йохансоне принесла удовлетворение высшим кругам клана Бортэ: теперь они точно знали, с кем воюют. Не доверять словам Регана О’Лири, конечно, можно было, но когда дело касалось подобного рода «сотрудничества» — в недоверии не было смысла. По сути, если Реган О’Лири передал столь «однозначную» информацию, она не просто соответствовала найденным уликам, она ещё и соответствовала его личным доводам. Из чего можно было сделать два определённых вывода: 1) улики, которые нашёл Реган О’Лири против Ганца Йохансона, были достаточными, чтобы начать его «явно» подозревать; 2) улики, которые могли бы оправдать Ганца Йохансона — найдены не были. Вот и всё.

Эта относительная уверенность Реган О’Лири в «виновности» — мгновенно заразила и членов клана Бортэ. Поэтому не было ничего странного в том, что когда его Помощник закончил свой краткий пересказ, на их лицах так и читалось: «Что с того, что Ганц Йохансон виноват?! Лучше скажи, где его найти и как его убить: жестоко или очень жестоко?!»

Отчасти, Помощник Регана О’Лири ясно понимал чувства всех этих людей из клана Бортэ, однако помочь им чем-либо не мог, а если бы мог, то не стал бы как минимум до тех пор, пока Реган О’Лири не приказал бы это сделать.

— Вот, — он похлопал рукой по запечатанному пакету, который до этого выложил на стол, — здесь все имеющееся данные: от записей до найденных улик.

— Хорошо, — кивнул глава клана Бортэ, затем добавил. — Если мы что-то узнаем — сообщим.

— Мы тоже.

На этих дружеских словах Помощник Регана О’Лири, если точнее то Первый Помощник,

покинул территорию клана Бортэ: задача выполнена.

— Что он задумал? — обратился глава клана к своему окружению.

— Пытается казаться тем, кем никогда не был — дружелюбным, — ответила его жена, Лилит Бортэ.

— Я не о Регане.

— Знаю, но говорить о целях Ганца Йохансона трудно. Может, он нацелился только на наш клан, а может — и нет, — она замолчала.

С того самого дня, как был уничтожен клан Морган, они начали вести своё следствие, выискивая причастных и виновных, но удовлетворительного результата не было, разве что неслабая уверенность в причастности ко всему произошедшему Ганца Йохансона. Больше всего им не нравились две вещи. Первое, за последние несколько месяцев их бизнес потеснили: с одной стороны на Монгольском рынке «воскресла» корпорация «МагиТех», с другой — расплодились и другие мелкие «фирмушки», будто им больше некуда было тратить свои деньги кроме как платить налоги — это раздражало. Второе, стало трудно следить за теневым «миром» и тем, что там творится: часть организаций уничтожили, часть — подмяли, часть — ещё что-то, и теперь они практически не давали о себе знать, сунув головы поглубже в землю, как страусы.

«Могла ли истинная цель Ганца Йохансона быть связанна именно с ними? Ещё и эти мёртвые тела?.. Или он всё-таки и сам стал им?.. — размышляла Лилит Бортэ, но вслух больше ничего не говорила: ещё рано — нужно изучить новые сведения, нужно охватить картину целиком. Поэтому когда ушёл Помощник Регана О’Лири, а собрание закончилось, именно этим она и занялась.

Среди всего: показаний очевидцев и знакомых, докладов и отчётов о скрытом наблюдении и многом другом, — среди всего этого, принесённого Первым Помощником Регана О’Лири, была и запись одного особо интересного допроса — допроса, с которого и начался весь этот сыр-бор, весь этот важный прорыв в деле.

— Чушь!

Пока одни холодно соглашались, другие с недоумением продолжали восклицать:

— Чушь! Это полная чушь!

Будь-то закалённая опытом Мари Стоун, будь-то ученицы Ганца Йохансона, как та же Кида или Жасмин с другими членами МОЗГа, хорошо знающие Ганца Йохансона, — все они не могли переварить эту новость и считали её не более чем клеветой. Хорошо спланированной клеветой!

Эта участь не обошла стороной и его последнюю официальную ученицу — Милину Гофф. Сейчас она находилась в том самом месте, куда её привела та самая старая бабка — хорошая знакомая Ганца Йохансона.

Сначала девочка была удивлена, когда к ней пришли несколько следователей, чтобы поговорить о бывшем однокласснике, теперь её удивил и разговор непосредственно со старой бабкой, которая поведала ей о надвигающейся смуте и дословно пересказала всё, что узнала о «признании знакомого мальчика».

— Я ничего не понимаю, — холодно выдохнула Милина Гофф.

— Ты не поверишь, — рассмеялась бабка, — но я тоже.

— Директор просто не мог так поступить, — холодно добавила девочка, видя развесёлую бабку. Она раздражала её и в обычном виде, но в таком — ещё сильнее.

— Хе-хе-хе… — чуть усилилась бабка, напрягая собеседницу ещё сильнее.

Успокоившись, бабка заговорила:

— Есть только два варианта: либо ты права, тогда твой одноклассник лжёт, либо он говорит правду, но тогда ты не права. Какой вариант тебе нравится больше?

— Никакой, — более холодно сказала Милина Гофф.

— Никакого быть не может. Но знаешь в чём между нами разница? — подмигнула бабка. — Мне всё равно, какой из вариантов верный, а вот тебе — нет, хе-хе-хе…

Милина Гофф промолчала. Опровергнуть или согласиться со словами старой бабки она не могла. Не только из-за своей неприязни, но и просто потому, что была не уверенна. В ближайшее время ей точно будет о чём подумать, но как правильно реагировать на полученную информацию прямо сейчас — она, честно говоря, не знала. До этого Отто Фишер затеял с ней странный разговор, пусть она и не хотела с ним встречаться. Как разговор, так и сам одноклассник показались ей странными и надуманными, но то, что происходило сейчас — было ещё более несуразным. Оставалось винить себя, что в тот день, когда они встретились втроём: «он», она и Отто Фишер — она ушла самой первой, никого не выслушав и ни о чём не поговорив.

Немного подумав, Милина Гофф сказала старой бабке:

— Я хочу с ним встретиться.

— Это вряд ли, если раньше я тебя ещё отпускала, то с этого дня ты и шагу не ступишь за пределы моей маленькой обители. Сиди и учись.

— Но я… — начала было Милина Гофф достаточно холодно и резко, но её быстро спустили на землю ещё более холодные, но до ужаса медленные и спокойные слова:

— Бессмысленно, спорить, со, мной.

Резкая смена настроения старой бабки заставила девочку прикусить язык. Как бы она к ней не относилась, она не забывала, что всё ещё испытывает лёгкий страх перед этой старой ведьмой.

Увидев это праведное поведение, старая бабка снова лукаво улыбнулась и сказала:

— Так-то лучше. Будешь хорошей девочкой, может, я тебя и выведу в свет, а сейчас — продолжай тренироваться, чуть позже я к тебе подойду: я не забываю о своих учениках, хе-хе-хе.

От последней фразы у Милины Гофф стрельнуло и помрачнело в голове. Она «вспомнила» почему так сильно ненавидит эту старую ведьму — этого монстра, который видит в «своих учениках» не людей, а сырое мясо для отделки. Вспоминая то недолгое времяпровождение с Ганцом Йохансоном и его тренировки, которые она считала невероятно трудными, сейчас ей только и оставалось, что с наслаждением и ностальгией вспоминать о них

Слабо кивнув и встав, девочка покинула старую бабку, выйдя из её маленькой обители. Эта сцена вызвала очередной лёгкий припадок тихого «хе-хе-канья» старой бабки. Успокоившись, она задумалась о чём-то своём. Затем достала кое-какие бумаги, которые спрятала перед приходом девочки. Это был такой же «набор» документов и улик, который Первый Помощник доставил клану Бортэ, а, быть может, и больше. К этому моменту она уже всё изучила. Пусть она обычно не лезла в «политические, клановые и прочие разборки», но взять и не заинтересоваться всем этим или, тем боле, проигнорировать происходящее, не смогла даже она. Более того, все эти «планы Ганца Йохансона» стали откровением даже для неё, а это говорило о многом.

С одной стороны, просто взять и поверить, что этот сладкоежка замыслил что-то такое глобальное, ей было трудно, потому что она не верила, что он смог так хорошо скрыть от неё (от НЕЁ!) свои истинные мысли и планы. Она была уверена, что читает его как открытую книгу, и хорошо знала о нескольких других его «секретах», которые он пытался воплотить в реальность, но всё равно не лезла в это, но сейчас…

С другой же стороны, взять и не поверить всем этим «уликам» — ей тоже было трудно. Причём дело было не столько в их содержании, сколько в знании общих моментов. Решающим аргументом для неё стал тот факт, что Ганц Йохансон уже давно готовился к противостоянию клану Бортэ и даже попросил её присмотреть за своей ученицей. Так что наивной бабка не была: она бы в жизни не поверила каким-то там «уликам-писулькам», принесённым ей Реганом О’Лири, которого она не звала и которого предпочла бы не видеть. Последнее, что она сделает

в своей жизни, это на слово поверит тому кому верить априори нельзя.

Перебрав в очередной раз всё имеющееся, она повернулась к экрану и запустила несколько-часовое видео допроса, чтобы пересмотреть его во второй раз. С первого раза замечаешь не всё.

Она давно не участвовала в допросах и тем более не смотрела их записи, и вот сейчас она занималась именно этим. Когда она смотрела это видео в первый раз, то даже ощутила странное чувство (возможно, чувство прожитых лет?), сейчас этого ощущения не было.

«Слишком медленно…» — подумала она и ускорила запись в 2-3 раза. Учитывая, что она смотрела запись допроса, а не обычный отдыхающий видеоролик или фильм, растянутый каким-нибудь великим-автором-режиссёром черепашьим повествованием и водой, возможно, такое чрезмерное ускорение было не совсем правильным: всё-таки мелочи и детали таят в себе множество тайн, а в другой раз — и ответов. Однако старая бабка не видела в этом никак проблем и просто продолжила пересматривать допрос, ускоряя некоторые фрагменты и в 3-4 раза.

Бывало и наоборот — замедлялась, чтобы лучше уловить ответ и то, как он был сказан. Иной раз она могла пересматривать его десятки раз, пытаясь увидеть то, что увидеть, казалось, нельзя. Другой раз и выписывала для себя отдельные фразы.

Однако… Всё тщетно. Перед ней был обычный эгоистичный человек, со своими проблемами и чувствами неполноценности, которого прижали «к стенке», как крысу к мышеловке. Да, он определённо рассказал не всё, но не потому что смог схитрить или утаить, а потому что допрашивающие должным образом не развили тему.

Закончив второй просмотр, она снова задумалась.

— «Ему никогда не нравились кланы, а ещё он просто не переносит этого «толстого», этого «больного», этого «ублюдка», этого Регана О’Лири», — прочла она вслух цитату, затем хихикнула и добавила. — Неужто ты испугался, напыщенный овощ?

Эта шутка ей самой показалась до смешного нелепой: если даже Реган О’Лири начал бояться, тогда кто вообще способен не бояться и быть спокойным?

С другой стороны, она почувствовала, что какой бы нелепой не была эта шутка, истины она не умаляла: даже Реган О’Лири не понимал, что происходит, что задумал Ганц Йохансон и к чему нужно готовиться, иначе бы уже давно решил этот вопрос, со всем разобрался, а главное, не потревожил бы её своим долгим присутствием и своими самодовольными речами. Она была уверена, что все эти «улики», принесённые им, были лишь поводом предстать перед ней во всей красе, а истинная причина — понять, не скрывает ли она сама что-нибудь важное, например, местоположение Ганца Йохансона. Но её это не волновало: она знала, что к своему великому разочарованию, он покинет её с пустыми руками.

Старая бабка продолжала читать свои заметки и размышлять, наконец-то она добралась до самого конца и несколько раз повторила цитату:

— …«Однажды он сказал мне, что каждый видит то, что хочет увидеть. Простите, я могу ошибаться, но всё же скажу, зная его, я почему-то не вижу ничего хорошего для вас, всех вас», — и вздохнула.

Она чувствовала некоторую шероховатость в этих словах, но для неё было важно другое: «зная его», ей и самой было не трудно поверить, что ничем хорошим это всё не кончится. Однако на данном этапе её волновал совершенно другой вопрос: стоит ли ей во всё это влезать?

«Хотя… — подумала она. — Я и так уже влезла».

Старая бабка издала смешок, затем бросила взгляд на экран.

— А что, дать ей пообщаться с «ним» — не такая уж и плохая идея, даже хорошая, хе-хе-хе…

Чуть погодя старая бабка вышла и направилась к тренирующимся детям. Их было мало, но она бы предпочла, чтобы их было ещё меньше.

— Милиночка~ — послышался старый скрипучий голос.

Услышав его, Милину Гофф передёрнуло, а по спине пробежали тараканы.

— Точно старая ведьма, — холодно рассмеялся человек, находясь поодаль от маленькой школы, но внимательно наблюдая за ней со стороны, а учитывая размеры — охватить её всем своим взглядом было нетрудно.

— Ты позвал меня только за тем, чтобы я мёрз на морозе, составляя тебе компанию? Сколько ты сам уже здесь торчишь?

— Ты старый, мороз тебе полезен: проживёшь на день-другой дольше, если, конечно, завтра тебя кто-нибудь не убьёт и не сделает чучело, — холодно заметил собеседник.

— Иди ты, — послышался недовольный ответ. — Раз ты сегодня такой разговорчивый, лучше скажи, что происходит? Или пока никто этого не заметил, наш дорогой Реган О’Лири пытается скрыть, что у него не всё под контролем?

— Ты же знаешь, у меня всё всегда под контролем.

— И не сомневался, — иронично сказал Влас Эванс. — Так что, Реган?

Реган О’Лири промолчал.

Видя, что он продолжает ломаться, как школьница, старому судмедэксперту ничего не оставалось, кроме как начать делать мысленные предположения и гадать на кофейной гуще. Учитывая, что до этого не было каких-либо серьёзных продвижений в расследовании интересующих их дел, то, скорее всего, произошло что-то связанное как раз с ними, но что именно, Влас Эванс не знал. А учитывая, что они сейчас беспардонно наблюдали за этой старой женщиной, тесно связанной с Ганцом Йохансоном…

— Говори уже, — недовольнее обычного сказал Влас Эванс, не желая ломать голову, — если что-то нашёл, то так и скажи, если нет — то я пошёл.

— Скажи, в тот день, она точно дралась с ним?

Довольный, что его собеседник начал проявлять хоть какую-то активность, Влас Эванс даже не стал упрекать его за слишком нечёткий вопрос. Подумав, он сразу понял, что Реган О’Лири говорит о той недолгой битве между Лилит Бортэ и Ганцом Йохансоном. Однако он явно почувствовал, что смысл вопроса не в том, чтобы он ответил: «Да, это был именно он». Они не раз обсуждали эту тему и раньше, но сейчас явно что-то случилось, раз такой беззаботный человек как Реган О’Лири с такой серьёзностью переспрашивает о столь заезженном вопросе.

Однако сколько бы он не думал и сколько бы не перепрокручивал воспоминания того сражения, ничего нового не вспоминал, поэтому ответил так же, как и отвечал всё время до этого, разве что чуть подробнее (Реган О’Лири всё равно не был настроен говорить):

— Чтобы там не произошло, Йохансон остаётся Мировым Волшебником если не высшего, то, по крайней мере, среднего уровня, с достаточным количеством навыков, чтобы противостоять любому другому волшебнику, даже более сильному, как минимум он не умрёт просто так. Если ты до сих пор думаешь, что это связанно с тем уродом, который использует мертвецов, то либо на его стороне есть кто-то превосходящий Йохансона даже не в разы, а на порядок (!), во что ни я, ни ты в жизни не поверим, либо там должна была быть толпа людей, трупов или ещё кого, чтобы довести школу и Йохансона до такого состояния, используя преобладающее количество потоков, но и их уровень должен был бы быть достаточно высоким. Но ничем таким там не пахло, — Влас Эванс задумался. — Единственное, чего мы сейчас должны по-настоящему бояться — это той магии, способной полностью скрыть местность от внешнего мира, пока она есть, и пока нет контрмагии, может оказаться так, что моргнув и открыв глаза в очередной раз, перед нами предстанет разрушенный Батор, Монголия, а затем и весь мир. Ни один Мировой Волшебник в округе в тот день ничего не почувствовал, ни один, кого бы мы не спрашивали!

Реган О’Лири продолжал молчать, однако своего собеседника он слушал очень внимательно, пусть и был отстранённым.

Влас Эванс продолжил:

— В общем, ты уже знаешь, я бы мог поверить в то, что это связанно с теми трупами, если бы ты не рассказал мне о личности того урода, но он… Он не более чем дешёвая пустышка, пусть и считает себя умнее остальных. Йохансон не его уровень. А займись его поиском нормальные убийцы, это стало бы только вопросом времени, когда его убьют. Пресмыкаться вечно в тени невозможно.

— Не стоит его недооценивать. Будь всё как ты говоришь, его бы уже не было, но он жив-здоров и на свободе. Но да, ты прав, я тоже не верю, что он бы смог обхитрить и сразить Йохансона, но… Что, если они работают сообща?

— Сообща… Они знают друг друга, это правда, но…

— Мы тоже его знаем, дело не в том, кто знает, а кто нет.

— Тогда в чём? — прямо спросил Влас Эванс.

Реган О’Лири ответил не сразу:

— Ты должен был слышать, где-то в начале октября Йохансон был в командировке, связанной с его деятельностью в МОЗГе.

— Да.

— Есть вероятность, что они тогда встречались.

— Он и тот урод?! То есть… Практически перед всеми этими событиями?! Это проверенная информация?!

— Отчасти. Полностью её проверить нельзя, если только прямо не спросить участников, но их: ни живых, ни мёртвых — у нас нет. Если тебе нужен однозначный ответ, то да, считай это: проверенной, стопроцентной, информацией.

— Тогда… Я предполагал, что его кто-то поддержит и станет помогать, но если это ещё и Йохансон… Мне трудно поверить, что он стал бы в таком участвовать.

— У всего есть причины и следствия, я не не верю, что он не мог, но мне просто интересно так ли это: да или нет. После возвращения он вёл себя практически как обычно, а значит тогда он был, скорее всего, «собой». Поэтому я и спросил у тебя, точно ли она дралась с ним. Я имею в виду, был ли он в трезвом уме и добром здравии. Просто если да, это значит, что он, вероятно, сотрудничает с твоим уродом.

— Он не мой урод… Но с чего ты сейчас так уверен? До этого ты мне даже не говорил, что

такое вообще возможно, я и не думал.

— С чего? Анализы разрушенной местности явно подтверждают, что там могло быть сражение: другой вопрос кто с ним сражался, если сражался. Но факт остаётся фактом, когда появились мы, кроме него там больше никого не было.

Реган О’Лири замолчал.

— Всех преподавателей мы проверили, с учениками сложнее, но даже если среди них и были Звери из АДа или какого-нибудь клана, Йохансон не их уровень, если только не столетний, но таких не бывает — я это всё прекрасно понимаю! Хватит заставлять меня гадать, скажи прямо, к чему ты клонишь?! Я понимаю, что ты напряжён, причём впервые на моей памяти так сильно, но измываться из-за этого над моими старыми костями — вверх низости, — недовольно подытожил Влас Эванс.

Реган О’Лири посмотрел на недовольного судмедэксперта:

— Всё тебе нужно объяснять. Как ты сам и сказал, единственное, чего мы должны по-настоящему бояться, это той неизвестной магии, способной скрывать пространство. Хотя это далеко не единственное. Но если говорить о ней… Когда Мишель натолкнулась на склад с мертвецами, там была использована точно такая же магия, насколько я могу судить. Понимаешь?

— Тогда… Я там был, но ничего не заметил.

— Ты появился значительно позже.

— Мог бы и сказать.

— Я и говорю.

— Ладно… Думаешь, там был Йохансон?

— Возьми, — Реган О’Лири протянул маленькое переносное устройство.

— Что это?

— Это запись одного допроса, я не в настроении пересказывать, посмотришь сам и всё поймёшь.

— Хорошо…

— Если же хочешь знать, о чём я сейчас думаю, то я ни о чём не думаю, — холоднее обычного сказал Реган О’Лири.

— Ясно…

— Внимательно ознакомься, а затем свяжись со мной, есть работа, точнее — много работы.

— Хорошо, — кивнул Влас Эванс, затем указал рукой в сторону школы. — Что на счёт неё?

— Ничего. Просто старая ведьма, способная лишь спать и напрягать людей, — сказал Реган О’Лири, отвернулся и не попрощавшись полетел восвояси.

Влас Эванс посмотрел на переносное устройство в руке, затем бросил взгляд в сторону школы.

— Счастливая ведьма…

Глава 196. Убить — значит убить (часть 2)

Не смотря на то, что Влас Эванс был достаточно проницательным и хорошо понимал все подтексты в то же время он был достаточно умным, чтобы лишний раз промолчать и сыграть роль непонимающего дурочка. Он прекрасно осознавал, к чему всё шло и к чему клонил Реган О’Лири, пусть и предпочитал услышать прямой ответ. Особенно сильно его позабавили внешний вид и настроение коллеги: столь явную скрытую агрессию он не проявлял уже длительное время. Влас Эванс любил, когда Реган О’Лири начинал серьёзно относиться к делу. Поэтому старому, но не лыком шитому судмедэксперту было очень интересно, что же стало причиной таких резких перемен. Он был достаточно тактичным, чтобы «подыграть» Регану О’Лири и лишний раз не нервировать его, но если говорить о «Шоколадном Мишке», то мысль о том, что он сам затеял какие-то мрачные игры, витала в их мыслях практически с самого начала расследования — ничего нового.

Однако, внимательно изучив запись допроса, Влас Эванс, как и, наверное, все другие, кто видел эту «мистическую» видеозапись получил для себя несколько ответов. Первое: всё-таки это не шутка и «Шоколадный Мишка» взаправду задумал сыграть с ними в какие-то мрачные игры. Второе: вместе с решением сыграть с ними в эти игры, кто-то осмелился задеть и самолюбие Регана О’Лири, выведя его из себя. Третье: кто-то и в правду может умереть через семь дней.

— Просто прекрасно, — досмотрев запись и сделав для себя выводы, старый судмедэксперт весело ударил в ладоши. Однако, несмотря на это веселье, даже у него осталось ещё

множество вопросов, ответ на которые он так и не получил, хотя изучил всё видео вдоль и поперёк от начала и до конца.

Полностью закончив анализ, он связался с Реганом О’Лири, как тот того и хотел. Разговор был не долгим и вполне предсказуемым: сначала они вкратце обсудили основные моменты и набросали план действий, затем Влас Эванс получил непосредственно свою часть работы — перво-наперво Реган О’Лири хотел, чтобы он пообщался с главным фигурантом этого дела, потому что результаты прошлого допроса устраивали его не полностью.

— Хорошо, — кивнул Влас Эванс на это властное заявление, ни капли не удивлённый таким развитием событий.

— «Он» пока что в главном отделении Антимагического Департамента. Направляйся туда. Им занимается Ежи, но ему не стоит доверять. Раньше или позже его отстранят. В любом случае тебе от его присутствия ни холодно ни жарко. Если заметишь, что он явно что-то скрывает, прижмёшь и его. Шестая в твоём распоряжении. Она поможет.

— Хорошо.

…

На этом их разговор закончился (или практически на этом), Влас Эванс был весь в предвкушении. Он быстро собрался, натянул пальто и двинул в сторону нужного департамента. По пути он связался с Шестым Помощником, которая сейчас прямо курировала это дело, то есть была неофициальным представителем своего подразделения и Регана О’Лири в частности.

Они договорились встретиться возле входа в главное отделение АДа, однако когда Влас Эванс уже был там, встретила его не только она, но и сурово выглядящий старик, без головного убора, но с «устрашающим» ёжиком на голове.

— Юра, Юра, Юра~ сколько лет, сколько зим! — рассмеялся Влас Эванс, поприветствовав его. Тот кивнул в ответ, толком ничего не сказав. Влас Эванс не возражал, он повернулся к женщине. — Так что, идём?

— Да, — сказала она в ответ.

— А ты? — Влас Эванс бросил взгляд на Юрия Ежи. Однако ответила Шестой Помощник:

— Ему уже пора, у него встреча с Харрингтоном.

— О, это тот следователь? Наслышан-наслышан, тогда удачи тебе с ним, ха-ха-кх-кх-кх…

— Как-нибудь справлюсь, — ответил Юрий Ежи.

Он был холоден, но как всегда споен. Ему было интересно, с чего бы вдруг эта рядом стоящая женщина так сильно форсировала события, чтобы выпроводить его с его собственного рабочего места. В целом, он догадывался, но всё по-настоящему встало на свои места, когда он увидел этого старого мясника. В любом случае сейчас было поздно мешать людям Регана О'Лири выполнять свою работу, поэтому Юрий Ежи не собирался вмешиваться, пусть он и уверился в своём сомнении насчёт «выбранной стороны». К тому же, как ни посмотри, правонарушители есть правонарушители, да и он не в том возрасте, чтобы быть сентиментальным. Так что, учитывая, что она любезно организовала ему встречу с Джеймсом Харрингтоном, возмущаться не было смысла. Даже останься он в отделении АДа, он бы всё равно не помешал двоим. Быть может, оно и к лучшему, что в это время он будет в другом месте. Как ни посмотри, сплошной «выигрыш».

Юрий Ежи добавил:

— Я пойду, не буду вас задерживать.

— До встречи, — любезно кивнула Шестой Помощник и повернулась в сторону Власа Эванса. — Пошли.

— До встречи, — тот в свою очередь тоже попрощался с Юрием Ежи, после чего развернулся и уверенной поход пошёл вслед за женщиной.

Несмотря на то, что Юрий Ежи хотел уйти первым, ушёл он последним, проводив двоих взглядом до самого входа в здание.

Хмыкнув, он быстрым шагом направился к своему флайму, а уже через несколько десятков минут заходил в один из полицейских участков Батора. Он редко посещал это место, поэтому попросил сотрудников сопроводить его к кабинету Джеймса Харрингтона. Ему не отказали, а чуть погодя один из них подвёл его к нужной двери.

Юрий Ежи стукнул и вошёл, проклиная при этом Шестого Помощника Регана О'Лири, но не за требование наладить сотрудничество с этим человеком, а просто за её существование.

— Проходите, присаживайтесь, — хладнокровно, но вполне тактично сказал Джеймс Харрингтон.

Юрий Ежи вошёл и сел на указанное место. Тот продолжил:

— Должен предупредить, вы, конечно, были настойчивы, организовывая эту встречу, но сотрудничать я не планирую, тем более с вами.

— Ясно, я и не сомневался, могу идти? — спокойно парировал Юрий Ежи, от чего даже Джеймс Харрингтон слегка удивился.

Джеймс Харрингтон этого не понял, но сформулировав своё предложение не так однозначно, как должен был бы сделать такой человек как он, он дал точки опоры, за которые просто не мог не вцепиться такой человек как Юрий Ежи. А дав Юрию Ежи повод предположить, что тебя самого что-то интересует в сотрудничестве, всё равно, что начать умолять его помочь тебе. Не нужно недооценивать человека, проработавшего не один десяток лет в Антимагическом Департаменте, которого, к тому же, и самого не сильно заботит сотрудничество с тобой. С этого момента единственной заинтересованной стороной останется либо лишь один человек, и это не Юрий Ежи, либо их вообще не останется и тогда он без зазрения совести встанет и уйдёт. И даже если ему скажут, что он не приложил усилий, ему будет глубоко всё равно, причём с высоты птичьего полёта. Не недооценивайте человека только потому, что он «пресмыкается» перед одними, ведь он может делать это и из уважения, но это не значит, что он будет делать это перед каждым: Ганц Йохансон — не каждый.

Попавший в ловушку собственных слов, Джеймс Харрингтон быстро успокоился и остановил поднявшегося к этому моменту Юрия Ежи, предложив ему чашечку чая и бегло начав разговор. Своенравный или нет, но Джеймс Харрингтон хотел получить свои ответы, а для этого было желательно сотрудничать. Несмотря на то, что он принадлежал к мобильному отряду особого назначения и раньше находился в подчинении Рамита старшего, сейчас, после отставки последнего, он стал практически бесконтрольным, в том смысле, что не хотел кого-либо слушать и подчиняться приказам (он и первого не особо-то и жаловал). К этому моменту мобильный отряд особого назначения был под командованием нового человека, однако сколько бы он не старался совладать с параноидально-отчуждённым характером Джеймса Харрингтона, сделать этого ему не удалось. Уволить его тоже было не вариантом: он знал слишком много «секретов» разных кланов, особенно тех, за которыми вёл слежку. Поэтому старшим по званию было проще просто закрыть глаза на некоторые трудности в общении с ним. В конечном счёте ценность от такого человека была выше, чем возможные проблемы от лёгкой своевольности.

Джеймс Харрингтон, вероятно, и сам хорошо понимал своё выгодное положение, однако недавно он стал переосмысливать своё прежнее поведение и отношение к тем или иным вещам. Недавно — когда его бывший начальник ушёл в отставку из-за своей некомпетентности, отправив на тот свет не одну дюжину сотрудников полиции, среди которых были и его знакомые-коллеги. Когда это произошло (или чуть позже), Джеймс Харрингтон осознал, что зацикливши́сь на кланах и отстранившись ото всех, он перестал обращать внимание на не менее важные вещи — на то, что происходит вокруг него самого.

Более того, в последнее время в принципе произошло слишком много странных вещей. Проведя своё расследование, Джеймс Харрингтон смог сопоставить некоторые моменты, но тогда, когда он решил, что был близок к цели и взял быка за рога, бык схитрил и убежал в соседнее поле, войти в которое просто так не мог даже он: для начала нужно было договориться с хозяином этого поля.

— Раз уж мы всё равно пьём чай, почему бы и не поговорить об этом деле? — в конце концов предложил Джеймс Харрингтон, проявляя полную незаинтересованность, хотя кого он пытался обмануть?

— Почему бы и нет, раз уж пьём, — кивнул Юрий Ежи.

Пока эти двое любезничали, поодаль, на маленькой возвышенности — крыши одного из многоэтажных домов, сидела девушка, свесив ноги. Рядом стоял мужчина, внимательно наблюдая в направлении полицейского участка. Иногда он бросал взгляд в экран навигатора, который лежал у левой ноги девушки.

Девушка была серьёзной как никогда. В последнее время она видела много безрассудных вещей, но сегодняшнее безрассудство пугало даже её. Однако сейчас она помалкивала. Она высказала сомнение лишь один раз, когда только-только узнала о запланированном «мероприятии» (этим утром). Однако холодный ответ дал понять, что сомневаться — не то, чем она должна заниматься. В любом случае она тихо сидела, ни на секунду не теряя бдительности, ожидая, когда заговорит рядом стоящий человек — Хэй. К тому же, после того как школу №10 сравняли с землёй, она стала опасаться его ещё сильнее, так как была уверена, что он имеет к этому отношение. Когда она прямо спросила о «разрушении школы», он дал категоричный ответ: лезть в это не стоит. Хотя в целом, прямо или косвенно, к этому моменту он посвятил её во многие аспекты своей жизни. Но раз не стоит — она больше и не лезла.

С момента их «совместной жизни», она чётко осознала, что слушаться и учиться у Хэя — самое правильное решение на данном этапе своего жизненного существования. Единственное, что не давало ей покоя, это большое количество недосказанности. Ей бы хотелось знать больше, но, несмотря на «открытые» отношения, Хэй всё равно ограничивал её от многого, вероятно, от большей части и, возможно, самой интересной.

«Эх…» — тихо вздохнула Хаён и посмотрела в сторону неба, разделённого на «верх и низ» широким пулом воздушных магистралей — трасс для передвижения флаймов. Затем она снова мысленно вздохнула, прекрасно осознавая, что произойдёт буквально «вот-вот». От этого осознания она чувствовала себя нехорошо. Боялась.

Затем она перевела взгляд на Хэя, который смирно стоял рядом, облокотившись локтями о выступ, на котором она сидела. Он делал всё то же самое: бросал свой взгляд то туда, в сторону полицейского участка, то обратно, в экран навигатора. Он, определённо делал какие-то расчёты у себя в голове. Она была уверена, что он уже успел побывать здесь чуть раньше, сделав всё нужное до их прихода. Сейчас же он просто перепроверял себя и свои результаты. Выглядел он довольно спокойно и умиротворённо. Это немного успокаивало девушку, даже несмотря на то, что чуть раньше он прямо заявил, что, вероятно, она умрёт, если будет отвлекаться или спать на ходу. Учитывая, что раньше он никогда такого не говорил или просто не брал её с собой в опасные места, вся серьёзность этого высказывания дошла до неё очень быстро.

— У нас будет меньше минуты, — послышался негромкий голос.

— Меньше минуты… — повторила Хаён.

— Да.

Она хотела сказать: «Мне страшно…», — но побоялась говорить, правда, толком не зная почему. Ведь до этого Хэй ни разу не дал намёка на то, что подобные слова могут рассердить его. Однако сегодня, казалось, он был серьёзнее обычного. Создавалось ощущение, будто любой раздражитель, вставший у него на пути, будет сметён одним взмахом, а больше смерти она сейчас боялась только смерти от его руки.

Секунды шли медленно, но Хаён мечтала, чтобы они стали ещё более медленными. Нет. Бесконечно долгими! Она мечтала, чтобы этот временной отрезок, где она сидит и смотрит в широкое небо, бросая время от времени взгляд на Хэя, стал бесконечным. Но где-то, в мозгу, она понимала: этого не случится. Понимала, что нужно взять себя в руки и успокоиться. От неё всего-то требовалось использовать усыпляющую магию и следить за происходящим — она постарается изо всех сил!

Чувствуя, что скоро всё начнётся, она покрепче вцепилась в свой слэм-девайс, который до этого мирно лежал у неё на коленях. Его как-то принёс Хэй, чтобы она начала обучаться новым последовательностям. После использования она ясно осознала, что устройство было очень хорошим, правда, она никогда не видела, чтобы такие где-нибудь продавали. Его производитель тоже был неизвестен.

Вся на нервах, она бросила очередной взгляд влево. Хэй продолжал кропотливо перепроверять свои расчёты, совершенно не меняясь в лице. Хаён даже стала испытывать лёгкое чувство обиды: он был таким спокойным, в то время как она не могла найти себе места.

Она просто не знала…

Хэй пытался сконцентрироваться, но недавний разговор мешал это сделать:

«В смысле убить, средь бела дня?» — он слышал свой собственный голос, который сейчас ему казался до безобразия глупым.

Однако другой голос, женский, не прекращал униматься:

«Убить — значит УБИТЬ!»

Хэй понимал и боялся именно потому — что понимал! — понимал, чью волю она делегировала!

Хэй боялся и боялся сильнее Хаён — он боялся не справиться!

Глава 197. Убить — значит убить (часть 3)

Пока Хэй вспоминал недавний разговор и боялся не справиться, другие могли наблюдать совершенно иную картину: мрачную и жестокую. Картину, способную вызвать множество удушающих эмоций, будь она по-настоящему нарисованной:

Мрачный фон этой картины освещал незначительный источник света. Источник, который был не способен ни развеять тьму, ни скрыться от неё сам. Более того, казалось, он лишь сильнее раскрывал весь её потенциал — весь ужас, скрывающийся за ней: не будь рядом этого незначительного источника света, мрачный фон картины не смог бы так сильно затронуть глубины разума.

Ужас, скрытый во тьме картины: шероховатые стены, кажется, с бесконечными слоями человеческих жизней, появившихся за долгие и долгие годы мучений; множество тонких линий, въевшихся в эту стену, как ржавый налёт на покорёженных и скрипящих инструментах, продолжающих бесперебойно выполнять свои функции, выполнять, даже несмотря на потёртости и вмятины; наконец-то, самый главный штрих: контурный и размытый, с угловатыми формами и нечётким лицом — некто, вселяющий ужас.

Общее впечатление от этой картины было бы именно таким.

Бóльшая часть вселяющего ужас «некто» сливается с фоном: такой же мрачный, такой же неизвестный. Он кружит, он пляшет — творит искусство. Ты его не видишь, но всё равно чувствуешь. Чувствуешь его плавные движения, его играющие руки, пронизывающий взгляд. Чувствуешь и думаешь… Думаешь только об одном: «Как бы не попасть ему на глаза».

Тьма этой картины тебя медленно засасывает, стирает из мира реального, пытаясь поглотить, запереть и не выпустить… И вот ты уже смотришь в центр картины, в это маленькой пятно, слабо освещённое незначительным источником света. Мгновение и ты там.

Ты сидишь?; лежишь?; стоишь? — ты не знаешь. Ты не можешь пошевелиться. Ты прикован в центре этого маленького пятна. Ты крутишь головой. Пытаешься что-нибудь разглядеть. Пытаешься как-нибудь выбраться. Но кругом лишь стены: расцарапанные и кровавые, как и сам ты. Сдавленный тьмой мрачного фона, ты всё также не можешь пошевелиться. Сколько бы ни старался: сколько бы ни толкал руками, сколько бы ни передвигал ногами — они будто зажаты со всех сторон.

Невозможность двигаться, невозможность контролировать тело — ты будто заключён в самом себе. Эта обездвиженность, эта неспособность пошевелиться вызывает невероятное угнетающее чувство. Ты начинаешь мысленно психовать и биться в истерии, прикладывая всё больше и больше сил, в надежде передвинуть ногу, поднять руку — изменить позу. Всё тщетно… Нервозность и страх смешиваются. Рядом нет ничего знакомого, ничего близкого — всё чужое. Всё угнетающее. Отчаянное.

Приходит понимание: выхода из картины нет. Всё ужасное, что только могла представить твоя

фантазия, сейчас окружало тебя. Всё неприятное, что только могло случиться с тобой, сейчас случилось с тобой. А единственное пятно от источника света — освещало именно тебя. Именно ты — центр всего происходящего. Центр всего ужаса. Ты окружён им, как узкое подземелье чёрными стенами.

Тух.

Тух.

Тух.

Твоё сердце отбивает мелодию. Она тебе неприятна, она — тошнотворный мрак в груди. Ты встречался с ней и раньше, ты уже задыхался от неё, но в этот раз всё куда сильнее — куда хуже. Это не яма, это бесконечная пропасть чего-то ужасного, а очередной стук сердца отдаётся всё удушливее и удушливее. Ты пытаешься избавиться от него. Избавиться, как потерявшийся в тумане от тумана. Однако эта серая пелена лишь усиливается — сгущается! Давящая боль, удушающий страх — больше ничего! И это только начало!

Прежде, чем ты успеешь подумать: «Что может быть хуже?!» — как видишь мелькающие тени пред собой. Сидишь в полумраке, окружённый темнотой и вдруг замечаешь их. Страх от неизвестности лишь усиливается, но ты уже знаешь, что это. Прежде, чем оказаться здесь, прежде, чем испытать заполняющую пустоту на себе, ты уже видел их. Они кружили и танцевали. Они пугали и напрягали. И вот теперь тот самый некто — некто, вселяющий ужас, некто, которого ты так избегал, — прожигал взглядом именно тебя! Прожигал прямо из темноты — мрачного фона. Его руки играли. Они то появлялись, то исчезали. Но ты знал: они никуда не исчезают, они кружат вокруг тебя, как стая голодных волков в морозную зимнюю ночь.

Ууу…

Вой. Ты слышишь сильный вой. Но воют не выдуманные тобой волки. Воешь ты сам. Воешь от боли. Воешь от страха. Страха, пропитавшего тебя насквозь, как кровь пропитывает шерсть раненого животного.

Всё твоё тело, весь твой разум — всё пропитано страхом.

Дзын…

Послышался тяжёлый звон, будто кто-то потянул за колокол. Вместе с ним последовала и такая же резкая боль. То там, то тут — всё сильнее и сильнее: боль; боль; боль…

Ты пытаешься отпрянуть, отодвинуться, но всё также не можешь. Ты всё также обездвижен. Всё также утопаешь в ужасе.

Боль не ослабевает. Тебе всё хуже и хуже.

Ты начинаешь прикладывать всё больше сил, чтобы отпрянуть. Безумно толкаешь в стороны и вот!.. Иллюзия… Тебе кажется, что ты начал двигаться, затрясся… Затрясся, как умалишённый человек. Затрясся, пытаясь вырваться из тела. Однако… Однако это всего лишь иллюзия. За всё время ты не двинул даже скулой. Будто запертый. Будто похороненный человек — похороненный сам в себе.

Мрачный фон полностью поглотил всё вокруг, а маленькое пятно от источника света лишь усугубляло ситуацию. Оно освещало лишь одно место — лишь тебя. Прикованного тебя. Прикованного и неспособного что-либо сделать. Что-либо изменить.

Рыба на разделочной доске.

◊ ◊ ◊

— Ууу… ууу… ууу…

— Живой? — поинтересовалась женщина.

— Живой, — ответил старик.

— Неплохо. Итак, что ещё нам поведаешь? — спросила она.

— …

— Смотри, молчит, — «удивлённо» сказала старик.

— Молчит, — кивнула женщина. — Больше ничего не знает?

— А разве это важно?

— Не важно.

— Тогда продолжим, мы же, считай что, только пришли, ха-кх-кх-кх-кх-чёрт.

— Давай.

…

Прошло какое-то время и вскоре:

Шуууух…

Ощутив магические колебания, Шестой Помощник и Влас Эванс рефлекторно повернули головы в сторону их источника.

Глава 198. Хэй

Мирно стоящее здание полицейского участка затрещало — в нём образовалась неровная дыра: осколки стены разлетелись в стороны, поднялся столб пыли — Магия Молнии сделала своё дело.

Не успели осколки разлететься, а пыль осесть — размытые тени влетели в щель. Это были Хэй и Хаён. Он впереди, она — шаг в шаг за ним. Вместе с Хэем появился электрический импульс — свет потух, приборы вышли из строя.

Не успев приземлиться, Хаён тут же направила энергию в слэм-девайс, активировав Наркоз (N2O). Напрямую она никого не атаковала. Все свои потоки (около 6-7) она направила на синтез этой магии, стараясь максимально полностью заполнить ею весь этаж полицейского участка, в который они так дерзко ворвались.

Она была уверена, что это нужно для нейтрализации (усыпления) большей части полицейских. Её слэм-девайс содержал и другие последовательности, которым она обучалась в последнее время, однако сегодня Хэй запретил пользоваться чем-либо ещё без его разрешения, а игнорировать его указы — последнее, на что она была способна в данной ситуации. Когда нужно будет использовать что-то ещё — он подаст сигнал. Хаён это прекрасно знала, т.к. перед началом вторжения была предупреждена. Сейчас же, влив всю возможную энергию в устройство, она стала дотошно выполнять поставленную задачу. N2O быстро заполонял этот этаж: коридор, проёмы, кабинеты. Девушка явно старалась, вероятно, даже перенапрягалась, учитывая ограниченность времени. Ей повезло уже с тем, что пропускная способность её устройства была до ужаса высокой: это в разы облегчало задачу. Сами они, Хэй и Хаён, были в защитных масках, которые одновременно скрывали лицо и защищали от газа, помогая избежать лишней мороки.

Пока Хаён пыхтела, выкладываясь на полную, Хэй с ловкостью кошки продолжал движение вперёд по коридору: ему нужен был определённый кабинет. Параллельно он оглушал полицейских: одни к этому моменту уже среагировали и хотели что-то предпринять, другие, менее шустрые, — ещё нет. Металлические ножи Хэя, как стая агрессивной саранчи, игнорировали все препятствия, будь-то стены, будь-то мебель, и успешно достигали своей цели, поражая тела правоохранителей электрическим разрядом, причём независимо от их скорости и реакции. Даже самые шустрые полицейские были медленными на фоне Хэя — они быстро превращались в обездвиженные тела.

Сирена гудела — весь полицейский участок встал на уши.

Прошло меньше 15 секунд, а Хэй и его «тень» в виде Хаён уже стояли перед нужной дверью, оглушив практически всех сотрудников на этом этаже. (Находись этот кабинет и люди в нём не так глубо в здании, двоим, вероятно, не пришлось бы так сильно рисковать.) Хэй мгновенно выломал дверь. Внутри их встретили два человека, полностью готовые к сражению. Один из них был знаком Хаён, она помнила его со школы — Юрий Ежи.

Юрий Ежи стоял во всеоружии: активировал сенсорное поле кварков, создал барьеры и даже синтезировал огонь. Однако, увы, в этот раз Хэй был совершенно не настроен играть с АДовцем: у него не было ни времени, ни желания. Даже не глядя в сторону Юрия Ежи, он запустил в него мощную электрическую «нить», которая мгновенно пробила всевозможные барьеры и достигла цели. Одолеть Юрия Ежи Хэю было не трудно, а вот не дать ему скоропостижно скончаться — да. Чётко контролируя запущенную молнию, в самый последний момент Хэй перенаправил часть заряда, поражая, но оставляя АДовца в живых.

Джеймс Харрингтон же к этому моменту уже атаковал Хэя своей магией. И пусть оба, что Юрий Ежи, что сам следователь, были не лыком шиты и занимали не последнее место в «боевой градации» своих департаментов, сегодня не их день: у Хэя нет времени — Хэй серьёзен.

Хэй мгновенно свёл потуги Джеймса Харрингтона на нет, а затем полностью подавил его и всю его энергию, пронзив важные части тела своими ножами. Электрический разряд, посланный в тело Джеймса Харрингтона, был не очень сильным, поэтому, в отличие от остальных следователей, он остался в сознании.

Казалось, всё произошло просто мгновенно, особенно для Хаён, которая наблюдала за всем «со стороны». Это было не сражение, это было одностороннее подавление без возможности на какие-либо контрмеры. Она совершенно не ожидала, что всё произойдёт так быстро и так «гладко». Она даже позволила себе немного успокоиться и обуздать страх.

От начала и до этого момента прошло не больше 20-25 секунд.

Неожиданно Хаён услышала голос Хэя в наушнике: «Хватит. Давай следующую».

Быстро поняв смысл этих слов, Хаён переключилась с магии Наркоз на синтез другого газа.

Это был синтез водорода. С его слэмом она была знакома на порядок хуже, однако он был у неё на устройстве — жить можно.

Она приступила за дело. С этим газом ей было труднее. Так как бóльшую часть работы за неё делал исключительно слэм-девайс, она слабо понимала последовательность и «что вообще делает». Из-за этого и контролировать образующееся вещество (H2), точнее, его львиную долю, в отличие от ранее синтезированного N2O, ей было в разы труднее. Если первый она более-менее контролировала и смогла равномерно распространить по всему этажу, то со вторым было не так — он просто «жил своей жизнью» и распространялся «как ему хотелось». И пусть в целом всё было не так уж и плохо, как могло было быть, Хаён всё равно чувствовала себя неловко. Она неуклюже вздохнула.

Секунды продолжали идти, пока она выполняла команду Хэя, сам он уже выволок обоих, Юрия Ежи и окровавленного следователя, в коридор. Никого не было, казалось, время ненадолго остановилось. Вставив один из своих ножей в стену, Хэй продолжил идти, волоча двоих за собой. Хаён пошла следом. Они шли ни быстро, ни медленно. Шли обратно, в сторону пробитого входа.

Хаён продолжала синтезировать газ, не останавливаясь ни на йоту. По пути она несколько раз бросила взгляд на бессознательного Юрия Ежи и на окровавленного следователя. Глаза последнего были направленны вниз, однако он всё же несколько раз поднял их, глядя в ответ.

Казалось, Хэй шёл не спеша, пусть и быстро. Это слегка удивляло Хаён. Создавалось ощущение, что он чего-то ждёт.

Одна, две, три… Секунды продолжали идти.

Наконец-то на полпути Хэй резко вытянул руку, поднимая вместе с ней и тело Юрия Ежи. Мгновение — и с благословением своей магической силы он запустил АДовца в сторону дыры. На полной скорости тот вылетел из здания.

Шух…

Магическая энергия прошлась по округе. Хаён ощутила её, но слабо. Она плохо понимала, что происходит, но что-то происходило. В отличие от неё Хэй понимал больше. Он продолжал идти, не меняя темпа. Он давно не был таким сосредоточенным. Они приближались к «выходу».

Пройдя ещё немного, Хэй резко вытянул вторую руку — теперь была очередь Джеймса Харрингтона. Мгновение, и Хаён отчётливо увидела, как окровавленный человек полетел следом за Юрием Ежи. Отдаляющийся следователь — было последним, что она видела:

Тух!

Хаён почувствовала мощный толчок, и всё стало размытым. Прежде чем она смогла что-либо сообразить, Хэй уже вылетел из дыры, вслед за окровавленным Джеймсом Харрингтоном, держа Хаён за шкирку. Металлический барьер закрыл проход, а яркий дневной свет ударил прямо в глаза ошарашенной Хаён. Она не могла ничего разглядеть, чего нельзя было сказать о Хэе. Не делая лишних движений, он видел обстановку: в этот момент в небе «стояли» пять мощных фигур. Они окружили полицейский участок и «дыру в стене», как мухи сгнивающую тушку свиньи. Паря в небе, они смотрели на происходящее с высоты. Все пятеро — Мировые Волшебники.

Чуть ранее, не успев первый из Мировых Волшебников подлететь к месту разрушения, как из дыры вылетел человек. Сначала Мировой Волшебник хотел атаковать его, однако быстро сориентировался и, наоборот, спас. Он поймал Юрия Ежи, используя Перенос Материального Тела. Затем подлетели ещё четверо Мировых Волшебников, но прежде, чем они успели что-либо предпринять или войти в здание, из дыры вылетел ещё один человек.

Мировой Волшебник, который подлетел первым и уже успел помочь Юрию Ежи, не мог не узнать и следующего летевшего — Джеймса Харрингтона! Он сразу же попытался помочь и ему. Однако в этот раз, прежде чем он успел предпринять меры и поймать окровавленного следователя, мощная магическая энергия вышла наружу, заполонила пространство и свела на нет все его потуги. Его лицо ужесточилось.

Вместе с появившейся энергией из дыры вылетел и её владелец. Это был Хэй, с «прицепом» в виде Хаён.

Увидев двоих врагов и их силу, пятеро Мировых Волшебников сосредоточились. Мгновение, и первый из них развязал магию, чтобы атаковать. Это был тот самый Мировой Волшебник, который использовал Перенос Материального Тела. Он был таким «инициативным» не потому что первым прилетел сюда, а потому что, в отличие от остальных, он всегда был «здесь»! Он работал в полиции и был Мировым Волшебником полиции! Этот участок — его территория! В отличие от остальных четверых, ему просто нужно было «спуститься с одного этажа на другой», и он это сделал: вылетел так быстро, как только мог. Однако даже несмотря на это, всё развивалось слишком быстро, и он даже не успел предпринять каких-либо существенных действий.

Четверо же других — были кто-откуда, но они здесь, и это самое главное!

Мировой Волшебник полиции развязал синтез и атаковал врагов, не успели они пролететь и метра. Своей атакой он пыталась окружить двоих со всех сторон, но реализовать это было трудно, из-за положения и силы врагов. Поэтому ещё один Мировой Волшебник атаковал с противоположной стороны. Третий же направил свои потоки для создания защиты и спасения Джеймса Харрингтона. Остальные двое тоже развязали магию, но не атаковали: наблюдали, подстраховывали и ждали «подходящего момента».

Мельком наблюдая за происходящим, Хаён не могла не опешить. И сейчас до неё дошло… Только сейчас она по-настоящему осознала, в какую именно авантюру она угодила и кто пытается их остановить, нет, убить! Вляпалась по самые-самые… От самой груди что-то

поднялось до самого горла и не хотело опускаться — дыхание полностью захватило!

Секунды продолжали идти, а Хэй не сводить глаз со своей цели — с Джеймса Харрингтона. Харрингтона, чья участь была предрешена!

Чувствуя вражеские атаки, Хэй мгновенно синтезировал множество металлических пластин размером метр на метр и окружил ими себя и Хаён. Казалось, двое стали ядром маленькой планеты, вокруг которой на разном расстоянии кружит множество одинаковых континентов. Однако прилегали они не плотно, и между ними было множество свободного пространства. Такая металлическая «защита» казалась до безобразия бессмысленной — даже Хаён могла осознать, насколько агрессивной была атака, нацеленная на них. Однако это и не было защитой.

Сегодня Хэй не играл и не шутил. Когда Хэй не играет и не шутит, Хэй не защищается — он атакует, только атакует!

Подавляя всё вокруг своей магической силой, не давая противникам и шанса свободно выдохнуть, а также имея подспорье в виде толстых металлических пластин, Хэй «засветился». Он мгновенно создал множество электрических потоков, которые яркой вспышкой полетели практически во всех направлениях: лево, право, верх. Он был «центром» — ярким и трещащим. Напоминал сверхновую.

Направленный поток молний с грохотом уничтожил толстые пластины — осколки и разряды превратились в огромную волну, сметающую всё на своём пути. Она расходилась. Охватывала всё больше и больше направлений. Сила, вложенная в приём, была колоссальна — Хэй не шутил.

Пять Мировых Волшебников были подавлены. Они пытались защититься и уменьшить разрушительный потенциал. Пока они страдали, Хэй продолжил полёт, волоча Хаён за шкирку, как котёнка. Он догнал летевшего в воздухе Джеймса Харрингтона, после чего впился всей ладонью в его грудь. Увеличив скорость, он сначала вмазал его в стену противоположного здания, а затем — пригвоздил металлическими копиями собственного пошива.

Пятерых Мировых Волшебников частично сдуло мощной волной, частично потрепало, но они успешно защитились: они определённо не были целью Хэя. Но это не значит, что он будет милосердным. Не оборачиваясь, Хэй создал пять потоков молний и отправил их «на прощание» в сторону Мировых Волшебников — те не обрадовались.

Потянув Хаён за собой, он стал лететь вниз. В небе над полицейским участком уже появлялись фигуры новых Мировых Волшебников. Они быстро приближались и сканировали местность. Зависнув над землёй, Хэй на мгновение остановился. Он повернулся и посмотрел в небо. Те были рядом, в этот момент он медленно активировал несколько слэмов. Он вложил в один из них достаточно силы, чтобы привлечь внимание волшебников. Те, кто сканировали местность, сразу заметили его действия. Не успев подлететь, они быстро направили свою магическую энергию в полицейский участок.

Несколькими секундами позже прогремел взрыв, по сравнению с которым взрыв «сверхновой» Хэя был слабее. Хаён же опешила. Она почувствовала, что то небольшое количество синтезированного ею газа, которое она всё ещё могла ощущать, мгновенно стало бесконтрольным. Это чувство «неожиданной потери контроля», пусть и слабое, было до безобразия неприятным, а когда она осознала, что взорвалась её собственная магия — ей стало ещё хуже. Она синтезировала два газа по отдельности и даже не думала о том, чтобы смешивать два потока между собой, а сейчас, почувствовав этот резкий разрыв контроля над собственной магией, ей стало не по себе. Сначала она не понимала: «Как?!», — но позже до неё дошло, что Хэй заставил её магию провзаимодействовать между собой. Такой насильственный поджёг и вправду пугал. И если бы не быстрая реакция Мировых Волшебников, предпринявших тонны мер для изолирования злосчастного этажа и защиты от взрыва, разрушения были бы куда масштабнее.

Пока обломки от здания частично разлетались в стороны, частично блокировались подоспевшими Мировыми Волшебниками, а столбы дыма подымался в небо густыми клубнями, пока непонимание и суматоха достигли своего апогея — ни Хэя, ни Хаён здесь уже не было. Те, кто хотели проследить и не потерять их из виду — всё равно потеряли.

Хэй же, внимательно изучая окружение и быстро покидая территорию полицейского участка, в какой-то момент активировал магию, впервые используя для этого слэм-девайс.

Он не останавливался и убегал. Убегал от «незримого врага». Он вылетел за пределы города. Он вошёл в подземный туннель. Он вилял. Разрушал его. Он дошёл до конца. Вышел в неизвестном месте. Вымылся. Преобразился. Зашёл в знакомое место. Поел. Пошёл домой. Лёг спать.

Хаён, которая была рядом и полностью соответствовала его действиям, сколько бы ни пыталась, не могла унять дрожь в руках.

Всё что она услышала:

— Это было на грани: секундой позже, секундой раньше — всё имеет значение, — сказал ей Хэй перед сном.

Уставший, он лёг спать. Правда, спать удавалось с трудом: «трясущаяся» Хаён боялась отходить от него, шуршала и время от времени цеплялась за руки точно пугливый котёнок.

Глава 199. Пять Мировых…

(От 1 лица)

Произошедшее определённо привлекло внимание многих людей. В том числе и двух шавок Регана О’Лири. Влас Эванс и Шестой Помощник временно прервались от своей занимательной работы, видимо, чтобы узнать подробности о происходящем. Вероятно, оно было и к лучшему, ведь с момента начала своей «инквизиции» они ещё ни разу не прервались, а времени прошло не так уж и мало, при этом не было похоже, что они собираются удовлетвориться простым доведением до смерти. Кончать так быстро, считай что, даже не распробовав блюдо, они не собирались, по крайней мере, пока что: это было бы такой потерей, такой потерей… Особенно беря во внимание тот факт, что в рамках современных реалий было не так-то и просто дать волю всей своей садистской натуре. Как минимум отношение Власа Эванса к происходящему явно намекало именно на это. Казалось, что в большинстве случаев ему приходилось довольствоваться стухшими объедками, а это, извольте, совершенно не те ощущения: нет интереса, нет понимания, ответной реакции, в общем — никакой романтики! Вот и приходилось растягивать удовольствие, смакуя каждым отдельным моментом. К тому же, в этом была и польза: никто не знал, что может случиться дальше, поэтому иметь живого свидетеля и по совместительству козла отпущения — было вполне практично и удобно. Спешить незачем: убить можно в любой момент, а вот вернуть к жизни — нет~ Вполне очевидная логика.

Перекинувшись парой слов с Власом Эвансом, Шестой Помощник покинула «особенную» камеру и пошла узнавать, что за шум поднялся в городе и, судя по разговору, они и вправду решили сделать небольшой перерыв. На удивление, а может и нет, Влас Эванс оказался очень тактичным и не стал проявлять инициативу, занимаясь самодеятельностью а-ля закомплексованный школьник: он молча сел в сторонке и стал вертеть в руках самые любимые из рабочих инструментов. Их форма и изгибы определённо будоражили его разум, будто это были не просто инструменты, а живой человек — человек, являющийся проекцией фетишей и предпочтений, кажется, навсегда вырезанный в сознании. Он притягивает к себе весь твой взгляд, всё твоё существо и все мысли. Именно такой «притянутый взгляд» и был у Власа Эванса: сколько воспоминаний, сколько ностальгических проблесков — он потерялся в космосе.

В таком состоянии его можно было описать только как человека, который, вероятно, по завершению своей сладостной работы чувствует пустоту и осадок, причём всегда. Испытывая эту тяжесть, он быстро прячет своих скрипящих любовниц в укромное место — с глаз долой! Однако чуть позже, рано или поздно, его вновь охватывает сильное желание повторить, а вместе с тем — и прикоснуться к их нежным изгибам. И снова всё по новой: радость вначале — отрешённость в конце. Замкнутый цикл не имеющий ни конца, ни края…

Эта зависимость Власа Эванса отчётливо отражалась на лице. Но только в такие моменты, только лаская свои инструменты, он по-настоящему выдавал садиста — давал другим возможность обличить себя и свои склонности.

И как бы прискорбно это не звучало, трудно было сказать, что он лишний в этом мире. Трудно было сказать, что он не соответствует остальным, а остальные — ему.

«Очнулся» Влас Эванс не раньше возвращения Шестого Помощника в камеру. Женщина

закрыла дверь и посмотрела на него серьёзным, слегка озабоченным взглядом. Она напоминала тупую курицу, лишившуюся большей части своего скудного оперения после частых стычек с другими птицами в курятнике. Единственное желание, которое появлялось при лицезрении её ничтожного вида — отрубить голову и скормить голодным собакам. Напыщенный, самодовольный, самонадеянный — она заслуживала даже большего.

— У меня новости, — послышался её голос.

— Что там? — поинтересовался Влас Эванс, полностью «вернув» свой взгляд в реальность.

— Джеймс Харрингтон был убит, а на полицейский участок напали.

— Даже так?! Неужто Ежи? — сказал Влас Эванс и хотел было издать смешок, однако не смог даже сделать первое «ха» — послышался лишь долгий кашель.

— Нет, — подождав пока он откашляется, ответила Шестой Помощник. — Он и сам пострадал, хотя кто знает…

— Вот как… — задумался Влас Эванс.

— Важно другое — преступники сбежали. Никто не смог даже преградить им дорогу. Такие вот дела. Считай что один из центральных участков был частично разрушен.

— Неплохо… Так что, наш «друг» наконец-то показал себя или что?

— Трудно сказать, я знаю не всё, а Реган О’Лири не ответил. Но факт остаётся фактом, Мировые Волшебники, которые среагировали, ничего не смогли сделать.

— В какое страшное время мы живём, — наигранно сказал Влас Эванс. — Раньше было лучше.

— Боюсь представить. В любом случае, очевидно, что нападавшие не ниже уровня Мировых, так что это и вправду может быть «наш «друг». В любом случае гадать бессмысленно: Реган О’Лири сказал сконцентрироваться на «нём» и доделать работу: может что знает и скрывает.

Влас Эванс бросил на меня взгляд:

— Вряд ли, конечно. Но, да, нужно удостовериться, не пропадать же добру, кх-кх-кх…

— Ты так все лёгкие выкашляешь. Тебе на пенсию пора. Так и помрёшь, обрабатывая очередной отброс.

— И не говори… Но кто, если не я? Кх-кх… — «смеялся» старик. — Кто? Верно — никто. Полицейских убивают, участки разрушают, а Мировые Волшебники — звание да и только — и палец о палец не ударят. Понаполучали своих сертификатов, за титулами гонятся, тьфу, а сами и колдовать-то не умеют — невежественные клоуны.

— Ха-ха, ты утрируешь…

— Утрирую? — загорелся старик. — Когда такое было, чтоб кто-то посмел вот так спокойствие нарушать? Полицейский на их рабочем месте убивать? А они? Даже ответить не могут! Сидят там — штаны протирают, даже защититься не могут. Зачем вообще нужен Мировой Волшебник, который и пёрнуть толком не может? Будь там твой начальник, он бы не то что никому уйти не дал, ещё бы и других нашёл. При этом он даже не «Ми-ра-а-вой», — презрительно протянул Влас Эванс.

— Ты слишком строгий, — улыбнулась Шестой Помощник. — Он отдельный случай. Пять Мировых ему не ровня…

— В смысле пять? Их там пять за раз было что ли?

— …Около того.

— Тьфу, Мировые… Пять Мировых Лохов, а не волшебники!

Шестой Помощник лишь молча улыбнулась. Стало тихо.

Чуть успокоившись Влас Эванс бросил взгляд в мою сторону и сказал:

— Ладно, продолжим.

…

http://tl.rulate.ru/book/25164/1063110